

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 3

2021

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2021 г.

№ 3

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>

E-mail:

vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Рубцов Игорь Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кузьменко А.Н., Горбачева Д.А.

Принципы формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности в условиях вуза ... 5

Лукаш С.Н., Лобанов И.А.

Саморазвитие как условие формирования российского офицера новой формации 11

Максютова Н.Н.

Преподавание общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ 17

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Головлёв А.А.

Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня.

Часть 3. Военно-политические события в Малой и Большой Чечне, Назрановском и Галашевском обществах (апрель–июнь 1858 г.) 27

Дударев С.Л.

Еще раз о Северокавказском фронтире 44

Матвеев В.А.

Московский и Карский договоры 1921 г. России с Турцией и их отражение на изменениях в этносфере Кавказа 56

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Вольтер О.В.

Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка 67

Макаров А.С., Спиглазов Д.С.

Эволюция представлений о нормах и отклонениях в общественной жизни ... 73

Омельченко С.В.

Понятие «социальная ответственность» в социальной философии: поиск новых подходов 81

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 89

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета» 91

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Kuzmenko A.N., Gorbacheva D.A.</i> Principles for the Formation of Deontological Readiness of Future Architects for Professional Design Activities in a University	5
<i>Lukash S.N., Lobanov I.A.</i> Self-development as a Condition for the Formation of a New Russian Officer Formation	11
<i>Maksyutova N.N.</i> Teaching of General Subjects Taking Into Account the Professional Orientation of Programs	17

HISTORICAL SCIENCES

<i>Golovlyov A.A.</i> General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 3. Military and Political Events in Malaya and Bolshaya Chechnya, Nazranovskoe and Galashevskoe Societies (April–June 1858)	27
<i>Dudarev S.L.</i> Once Again on the North Caucasus Frontier	44
<i>Matveyev V.A.</i> The Moscow and Karsky Treaties of 1921 Between Russia and Turkey and Their Reflection on the Amendments in the Ethnosphere of the Caucasus	56

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Volter O.V.</i> National Ideology as a Factor of Consolidation of Russian Society in the Conditions of the Formation of a New World Order	67
<i>Makarov A.S., Spiglazov D.S.</i> The Evolution of Ideas About Norms and Deviations in Public Life	73
<i>Omelchenko S.V.</i> Concept of "Social Responsibility" From Social Philosophical Aspects: Searching for New Approaches	81
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	89
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	91

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37.01

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ АРХИТЕКТОРОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

А.Н. Кузьменко, Д.А. Горбачева

PRINCIPLES FOR THE FORMATION OF DEONTOLOGICAL READINESS OF FUTURE ARCHITECTS FOR PROFESSIONAL DESIGN ACTIVITIES IN A UNIVERSITY

A.N. Kuzmenko, D.A. Gorbacheva

Аннотация. В статье раскрываются основные принципы реализации модели формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности в условиях вуза, к которым относятся принципы: интеграции и гуманизации образования; конгруэнтности и диалогизации педагогического взаимодействия; меры и разнообразия; развития, субъектности и активности.

Abstract. The article reveals the basic principles of the implementation of the model for the formation of deontological readiness of future architects for professional and project activities in the conditions of a university, which include the following principles: integration and humanization of education; congruence and dialogization of pedagogical interaction; measures and diversity; development, subjectivity and activity.

Ключевые слова: архитектор, деонтология, деонтологическая подготовка, принципы деонтологической готовности, профессионально-проектная деятельность, интеграция образования.

Keywords: architect, deontology, deontological training, principles of deontological readiness, professional-project activity, integration of education.

Актуальность проблемы деонтологической подготовки будущих архитекторов обусловлена радикальными трансформациями во всех сферах жизни современного общества, но прежде всего – изменениями, в которых традиционные гуманитарные ценности сталкиваются с коммерческими интересами рыночной экономики.

Архитекторы, осуществляющие свою профессиональную деятельность, с одной стороны неизбежно оказываются перед лицом морально-этических выборов, обусловленных разнонаправленными вкусами и интересами конкретных потребителей продуктов его труда и творчества. С другой стороны, важными составляющими труда архитекторов являются взаимодействия с заказчиками, членами профессионального сообщества, представителями надзорных организаций и др., что востребует от них высокого уровня развития деонтологической культуры.

Архитектурная деонтология интегрирует в себе различные виды деонтологического знания, в том числе, предпринимательскую, инженерную, художественно-эстетическую его отрасли, что предполагает разработку комплексной педагогической технологии, охватывающей весь период обучения специалиста в вузе.

В связи с этой многогранностью архитектурной деонтологии, реализация методологических подходов в учебно-воспитательном процессе вуза в целях достижения образовательных задач по решению проблемы деонтологической подготовки будущих архитекторов должна осуществляться через соблюдение определенных принципов. Принципы организации целостного педагогического процесса отражают его закономерности.

В результате теоретического анализа и предварительного эмпирического исследования, заключающегося в выявлении особенностей деонтологической подготовки будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности в условиях вуза, были выделены такие закономерности, как закономерность историко-культурной обусловленности результатов профессионального образования, их зависимости от особенностей современного этапа развития архитектуры и общества в целом. Цели, содержание профессиональной подготовки обусловлены социальными запросами, особенностями и потребностями студентов, спецификой используемых педагогами форм, средств и методов обучения. Принципы, как отражение должного построения педагогического процесса, формулируются исходя из цели на основе педагогических закономерностей. Принципы базируются на тех факторах, которые обуславливают эффективность образовательного процесса. В нашем исследовании были выделены факторы, детерминирующие эффективность формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности:

- ценностно-смысловой фактор, отражающий направленность процесса формирования на развитие и (или) трансформацию системы жизненных и профессиональных ценностей обучающихся, их смысло-жизненных ориентаций, интересов и приоритетов;

- мотивационно-потребностный фактор, обуславливающий содержание процесса формирования, предполагающее оказание психологического воздействия на установки, мотивы и потребности обучающихся;

- организационно-технологический фактор, предполагающий организацию учебно-воспитательного процесса в вузе с использованием специальных технологий формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности.

Основополагающими принципами формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности в условиях вуза являются:

1. *Принцип интеграции образования.* Данный принцип нами понимается как соединение разной информации, получаемой студентами в процессе освоения разных учебных дисциплин, в единое информационное поле, воздействующее на их сознание, что приводит к формированию ментальных понятийных и смыслообразующих структур их личности.

Здесь необходимо уточнить, что проблема интеграции в образовании трактуется разными исследователями отнюдь не одинаково.

Ряд исследователей (Н.М. Белянкова, И.Б. Богатова, В.М. Максимова и др.) под принципом интеграции понимают установление внутрисубъектных и межпредметных связей и разработку интегративных междисциплинарных курсов. Л.Г. Савенкова, рассматривает образовательную интеграцию как соединение концептуальных положений различных методологических подходов [1, с. 45].

На наш взгляд, суть данного принципа заключается в идее интеграции влияния разнопланового знания, передаваемого преподавателями разных учебных дисциплин обучающимся. В результате интеграции происходит действенное интегрированное психологическое воздействие на сознание студентов, что приводит к формированию у них новых понятий, жизненных смыслов, приоритетов, установок и ценностей.

Е.В. Сидоренко дает следующее определение психологического влияния – «это воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека с помощью исключительно психологических средств, с предоставлением ему права и времени отвечать на это воздействие» [2, с. 65].

Т.С. Кабаченко вместо термина влияние использует термин воздействие, вкладывая в него аналогичный смысл. Она считает воздействие психологическим тогда, когда оно «имеет внешнее по отношению к адресату происхождение и, будучи, отраженным им, приводит к изменению психологических регуляторов конкретной активности человека» [3, с. 87]. При этом речь может идти как о внешне, так и о внутренне ориентированной активности. Психологическое воздействие может рассматриваться и как процесс, приводящий к изменению психологического базиса конкретной активности, и как результат.

Социальное влияние оказывает значимое воздействие на личность, меняя ее ценностные ориентиры, установки и убеждения. На наш взгляд, это мощнейший механизм, с помощью которого общество, социум могут изменить характер отношений личности. Благодаря этому механизму в обществе формируется определенный образ профессии, тем более, если она связана с морально-нравственными ориентирами, честностью и неподкупностью.

Интеграция разнопланового влияния, однако, осуществляется через интеграцию содержания архитектурного образования, научных подходов, практик, методик и технологий, используемых преподавателями на занятиях

по определенным учебным дисциплинам, теоретической и практической подготовки, а также художественного и инженерного образования. В результате в вузе формируется интеграционное образовательное пространство, оказывающее воздействие на личность обучающихся, на систему их ценностей, установок, смысложизненных ориентаций, идеалов и приоритетов [4, с. 205].

2. *Принцип гуманизации архитектурного образования.* Не менее важным принципом является принцип гуманизации, который в современной педагогике также имеет разные трактовки. В нашем понимании соблюдение принципа гуманизации образования предполагает выбор таких методов и технологий, которые обеспечивают формирование у обучающихся не только определенного набора знаний, умений и навыков, но и развитие системы их ценностных ориентаций, мировоззренческой позиции, творческой активности. Принцип гуманизации исходит из признания главной ценностью образования личность человека, обладающего социально значимыми мотивами и потребностями, нравственным сознанием и нравственными качествами личности. Реализация принципа гуманизации образования предполагает:

- переосмысление роли таких учебных дисциплин, которые так или иначе имеют возможность воздействовать на личностные особенности будущих архитекторов, на духовную и морально-нравственную сферы их личности;
- повышение значимости деонтологического компонента в обучении студентов архитектурному проектированию;
- обеспечение формирования направленности личности студента на самообразование и самосовершенствование через использование в образовательном процессе технологий проблемного и развивающего обучения, коллективных форм познавательной деятельности, активных методов и методических приемов актуализации интеллектуальной и творческой деятельности.

3. *Принцип конгруэнтности и диалогизации образовательного процесса.* Принцип предполагает пересмотр позиции студента в педагогическом взаимодействии с другими субъектами образования. Принцип диалогизации означает направленность педагогического процесса на развитие профессионально-нравственного самосознания студентов в ходе педагогического и профессионального взаимодействия. Диалогическое общение здесь касается не только вопросов организации взаимодействия в системе «Преподаватель – обучающийся», но и проблем диалога студента с самим собой, со своим собственным «Я», со своим внутренним миром [4, с. 206]. Соблюдение данного принципа имеет особое значение в решении проблем деонтологической подготовки будущих архитекторов. Диалог предполагает многоаспектное общение двух равноправных субъектов деятельности. Предметное содержание диалога способствует формированию у общающихся личностного смысла, что является необходимым условием развития деонтологических качеств личности обучающихся. В диалоге происходит слияние ценностей, идеалов, позиций, идей двух общающихся субъектов, каждый из которых занимает конгруэнтную, то есть естественную, непринужденную, неролевую, позицию. Действие механизма взаимовлияния обуславливает

достижение эффективности в процессе формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности.

Реализация принципа конгруэнтности и диалогизации образовательного процесса означает отказ преподавателей от принудительного и предопределенного характера построения педагогического взаимодействия, учет особенностей, мотивов, стремлений, интересов обучающихся. В диалоге происходит взаимообмен мнениями, суждениями, при этом каждый участник диалога интуитивно стремится к достижению взаимопонимания.

Необходимо также учесть, что диалог, согласно данному принципу, организуется не только в системе «Преподаватель – студент», но и в системе студенческого взаимодействия. Диалог, как обсуждение в студенческой группе важных проблем, обеспечивает создание на учебных занятиях единого смыслового поля, в котором происходит переориентация обучающихся и трансформация их личностных сфер.

4. *Принцип меры и разнообразия.* Данный принцип исходит из положения о том, что любое воздействие может быть эффективным только в ситуации его ненавязчивости и естественности. Соблюдение принципа меры и разнообразия предполагает отказ от назидательных и нравоучительных лекций, от прямого воздействия на мысли и ценности обучающихся. В то же время изменения в сознании, в том числе и в профессионально-нравственном сознании будущих специалистов, происходят под воздействием разнообразия педагогических методов и приемов. В связи с этим принцип меры и разнообразия означает приоритет нетрадиционных методов обучения, их сочетаемости с содержанием и организационными формами учебно-воспитательного процесса.

5. *Принципы развития, активности и субъектности.* Это принципы, достаточно традиционные для современной педагогической практики. Новая парадигма образования не может быть ограничена только целями передачи обучающимся определенной суммы знаний. Основанная на новой картине мира, она предполагает развитие самого субъекта деятельности через его субъектную активность. В психолого-педагогической науке субъектом признается человек, познающий, действующий, созидающий, преобразующий, формирующий. С.Л. Рубинштейн указывает, что человек – это не результат внешних воздействий, а, прежде всего, действующий субъект, субъект своего саморазвития, организующий и контролирующей свою жизнь и свою деятельность [5, с. 132]. Исходя из данных принципов, задача педагога состоит в создании необходимых условий для активизации субъектной позиции обучающихся, обуславливающей их саморазвитие и самосовершенствование.

Единство цели, задач, методологических подходов, закономерностей и принципов процесса формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности в условиях вуза являются важными элементами и составляют методологическую и концептуальную базу для организации целенаправленного учебно-воспитательного процесса в вузе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савенкова, Л. Г. Интегрированные технологии и гуманитаризации образования / Л. Г. Савенкова. – Текст : непосредственный // Гуманитарное пространство. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 142–166.
2. Сидоренко, Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.
3. Кабаченко, Т. С. Психология управления : учебное пособие / Т. С. Кабаченко. – М. : Педагогическое общество России, 2005. – 384 с. – Текст : непосредственный.
4. Кузьменко, А. Н. Технологическое обеспечение формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности / А. Н. Кузьменко, Д. А. Горбачева. – Текст : непосредственный // Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск : Новая наука, 2020. – С. 203–208.
5. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 2012. – 224 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Savenkova L.G. Integrated technologies and humanitarization of education. Gumanitarnoe prostranstvo = Humanitarian Space, 2018, vol. 7, No. 1, pp. 142–166. (In Russian).
2. Sidorenko E.V. Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu [Training of Influence and Opposition to Influence]. SPb., Rech, 2004. 256 p.
3. Kabachenko T. S. Psihologiya upravleniya [Psychology of management]. M., Russian Pedagogical Society, 2005. 384 p.
4. Kuz'menko A.N., Gorbacheva D.A. Technological support for the formation of deontological readiness of future architects for professional design activities. Sbornik statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii = Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2020, pp. 203–208. (In Russian).
5. Rubinshtejn S.L. Chelovek i mir [Man and the World]. Spb., 2012. 224 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кузьменко, А. Н. Принципы формирования деонтологической готовности будущих архитекторов к профессионально-проектной деятельности в условиях вуза / А. Н. Кузьменко, Д. А. Горбачева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 5–10.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kuzmenko A. N., Gorbacheva D. A. Principles for the Formation of Deontological Readiness of Future Architects for Professional Design Activities in a University / A. N. Kuzmenko, D. A. Gorbacheva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 5–10. (In Russian).

УДК 37.013.46

САМОРАЗВИТИЕ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА НОВОЙ ФОРМАЦИИ

С.Н. Лукаш, И.А. Лобанов

SELF-DEVELOPMENT AS A CONDITION FOR THE FORMATION OF A NEW RUSSIAN OFFICER FORMATION

S.N. Lukash, I.A. Lobanov

Аннотация. Статья посвящена исследованию системы саморазвития офицера и описанию процесса саморазвития офицера в воинских частях Вооружённых сил России. В статье рассматриваются элементы современной системы профессионально-должностной подготовки военнослужащих, их структурные и функциональные связи, раскрываются вопросы формирования офицера новой формации, его социальная роль как защитника государства. Особое внимание уделяется проблем военной педагогики, формированию у офицеров самосознания, самооценки. На основе особенностей развития самоорганизующихся сложных систем дается понятие личностно-профессиональному саморазвитию личности, раскрывается его структура. В статье отражается тема духовно-нравственного и военно-профессионального саморазвития за счет обогащения военной педагогики новым содержанием и инновационными идеями. Автор предлагает за счет внедрения в программы боевой подготовки направления по саморазвитию более глубоко раскрыть внутренний потенциал каждой личности в военном коллективе.

Abstract. The article is devoted to the study of the system of self-development of an officer and the description of the process of self-development of an officer in military units of the armed forces of Russia. It examines the elements of the modern system of professional and official training of military personnel, their structural and functional connections, reveals the issues of forming an officer of a new formation, his social role as a defender of the state. Special attention is paid to the problems of military pedagogy, the formation of self-awareness and self-esteem among officers. Based on the features of the development of self-organizing complex systems, the concept of personal and professional self-development of the individual is given, its structure is revealed. The article reflects the theme of spiritual-moral and military-professional self-development due to the enrichment of military pedagogy with new content and innovative ideas. The factors that determine the orientation, universality and uniqueness, standardization and individualization are indicated, they have a leading character.

Ключевые слова: система саморазвития, процесс, личностно-профессиональные качества, самосознание, самооценка.

Keywords: self-development system, process, personal and professional qualities, self-awareness, self-esteem.

Внедрение вопросов саморазвития в российской армии имеет глубокие исторические корни, так А.В. Суворов призывал офицеров постоянно заниматься «наукой из чтений», «изошрять свой взгляд военный», изучать военную историю и дела великих полководцев, знать мировую и особенно

русскую военную классику, самообразовываться, «ибо войны сегодня все более ведутся не столько силой, сколько разумом и искусством» [1, с. 34]. Очевидно, что для успешного выполнения задач военной службы офицерам требуется больше знаний и опыта. На современном этапе требуется обогащение военной педагогики новым содержанием и инновационными идеями. Общий замысел модернизации – подготовка офицера новой формации, при этом социальная роль офицера как защитника государства остается – изменяется только содержание и характер военной службы, носящей все более интеллектуальный характер. На сегодняшний день должны реализовываться такие педагогические процессы, которые сочетают в себе фундаментальность и практическую направленность, универсальность и уникальность, стандартизацию и индивидуализацию, имеют опережающий характер.

Сложившаяся система подготовки офицерских кадров имеет уникальный накопленный опыт, научную и учебно-материальную базу. Актуализация гуманитарной составляющей в военно-педагогической деятельности является на сегодня насущной потребностью. Отметим, что важным звеном в подготовке офицерских кадров является профессионально-должностная подготовка. Вместе с тем, действующие наставления и руководства не рассматривают возможность получения знаний, умений и навыков в необходимом количестве. Происходит циклический процесс, когда из одного периода обучения в другой изучаются одни и те же вопросы, повторяются лекции. Шаблонность приводит к увеличению количества отчетных документов, а не к повышению уровня боевой подготовки обучаемых. Элементы системы подготовки офицеров не объединены функциональными связями и носят общий, а не узконаправленный характер. Формирование личности военнослужащего условно осуществляется по двум направлениям: приобретение военно-профессиональных качеств, формирование социальных и общечеловеческих качеств. Это требуется учитывать при организации процессов саморазвития личности офицера: возможность обучения в течение активной жизни, стимулирование повышения уровня теоретических знаний с практической деятельностью в военной сфере.

Цель проводимого исследования состоит в том, чтобы сформулировать понятие «система саморазвития офицера» и описать процесс саморазвития офицера в воинских частях Вооружённых сил России.

Одной из проблем военной педагогики является формирование у офицеров самосознания, самооценки, необходимых педагогических знаний, их осмысления в целях использования в повседневной деятельности, развитие творческой индивидуальности. Отсутствие развития приводит к однообразию, затормаживает интеллектуальный и профессиональный рост военнослужащего. Важно непрерывно развивать у офицерского корпуса гуманизм, стремление к разностороннему совершенствованию духовной жизни. В центре внимания остаются нравственные качества, которые служат основой самовоспитания и самодисциплины.

Саморазвитие личностно-профессиональных качеств офицера – это неотъемлемый компонент его профессиональной деятельности, обязательная

составляющая современного военного образования. Вооруженные Силы России определяют военно-профессиональное образование на основе рационального сочетания обучения и самоподготовки в образовательном процессе [2, с. 8]. Однако на этот процесс нельзя воздействовать прямо, возможно стимулировать этот процесс, и делать это необходимо через активизацию военно-профессиональной и познавательной деятельности [3, с. 134].

Современные педагогические знания разнообразны, причем не только по форме, но и по содержанию, что дает возможность взаимодополнения педагогических течений и концепций. При построении теоретико-методологической базы исследования проблемы личностно-профессионального саморазвития нами было проведено рассмотрение особенностей развития самоорганизующихся сложных систем, как целостных образований и характеризующихся следующими особенностями [4, с. 35]:

- открытость системы (наличие пространственно-временных и функциональных отношений с внешней средой, взаимодействие с другими открытыми системами);

- нелинейность системы определяется устойчивостью и неустойчивостью состояния, случайностью и необходимостью происходящих в ней процессов развития (предопределенность в цепи причинно-следственных связей заменяется многовариантностью);

- автономность (каждый человек способен формулировать границы и направления процесса собственного саморазвития, исходя из внутренних потребностей, и исключать внешние искажающие воздействия);

- динамичная нелинейная система не должна следовать строгим внешним правилам (саморазвивающимся системам характерны собственные тенденции развития, это продиктовано тем обстоятельством, что человек развивает самого себя, тем самым достраивая окружающий мир);

- разновариантность путей развития (одно из свойств нелинейных систем основанное на индивидуальных бифуркационных траекториях саморазвития личности и вероятностью выбора);

- неравновесное состояние системы, зависящее от развитости профессионализма самого субъекта (переход на более качественный уровень с образованием новых элементов и структур либо рассеивание, вследствие неэффективного использования полученных знаний).

Результаты проведенного анализа, позволили нам сформулировать понятие «система саморазвития офицера», которая представляет собой открытую нелинейную динамическую систему, развитие которой обеспечивается взаимодействием как внутренних ресурсов и потребностей системы, так и возможностями внешней среды, и предназначенной для:

- а) духовно-нравственного саморазвития:

- по отношению к обществу и государству – гуманность, патриотизм, верность Отечеству, уважение к народу, государству и армии, лояльность к политической власти государства, общая культура личности;

- по отношению к военной службе – высокие морально-боевые качества, чувство ответственности за защиту Российской Федерации, бдительность, дисциплинированность, исполнительность, войсковое товарищество;

- по отношению к воинскому коллективу и другим людям (семье, родителям, родным, товарищам, сослуживцам) – благородство, доброта, честность, порядочность, честь, принципиальность, требовательность, справедливость, следование боевым традициям, непримиримость к нарушениям норм воинской морали;

- по отношению к самому себе – достоинство, скромность, самооценка, взыскательность, честолюбие, самоконтроль, самовоспитание и самообразование, высокая психологическая устойчивость, смелость и решительность, физическая выносливость и ловкость, смекалка, умение преодолевать трудности;

б) военно-профессионального саморазвития:

- получение дополнительных знаний, умений и навыков по основным предметам боевой подготовки (тактическая, специальная, техническая, физическая, РХБ защита и военно-политическая подготовки);

- овладение военно-педагогическими знаниями, историческим опытом и боевыми традициями;

- формирование у офицера командирских качеств и навыков по организации управления подразделением, а также навыков по обучению и воспитанию подчиненных;

- подготовка военнослужащего к выполнению боевых (специальных) задач в различных условиях обстановки, самостоятельно, в составе экипажей, расчетов, подразделений, при выполнении своих должностных и специальных обязанностей;

- освоение новых (модернизированных) образцов вооружения и военной техники, совершенствование существующих, разработка и внедрение новых способов их боевого применения;

- повышения методического мастерства при проведении занятий с подчиненным личным составом;

- поддержание физической готовности на уровне, позволяющем успешно выполнять служебные задачи по предназначению.

Рассмотрение системы саморазвития военнослужащего обеспечивает нам теоретико-методологическую основу для описания процесса саморазвития офицера в воинских частях как:

- закономерное изменение внутренней структуры развития и внешних форм ее проявления, в результате чего возникают новые разно уровневые качественные ее состояния;

- саморегулирующийся процесс, т. е. внутренне необходимое движение, «самодвижение» от имеющихся возможностей до высших уровней саморазвития в соответствии с циклами (этапами) данного процесса;

- неотъемлемую часть общего процесса военно-профессиональной подготовки;

- детерминированную деятельность по непрерывному мотивированному самоизменению, управлению своим развитием [5, с. 247].

В педагогической деятельности не обойтись без опоры на внутреннюю сферу личности офицера. Воспитание индивидуальности в личности, развитие талантов должно быть положено в основу этой деятельности. Применение средств и приемов положительного эмоционального воздействия послужит развитию культуры, эрудиции, творчества и самобытности среди личного состава.

Таким образом, саморазвитие личностно-профессиональных качеств является неотъемлемой частью жизненного пути офицера, а также предпосылкой для его самореализации и самосовершенствования. Современные требования к подготовке личного состава невозможно выполнить без качественной и целенаправленной подготовки военнослужащих. Фундаментом для выполнения поставленных задач, вне зависимости от родов и видов войск, может стать построение процесса саморазвития офицера в армейской среде с применением новых педагогических форм. Внедрение в программы боевой подготовки направления по саморазвитию позволит более глубоко раскрыть внутренний потенциал каждой личности в военном коллективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военная система А.В. Суворова. Военный университет. – М., 2001. – 299 с. – Текст : непосредственный.
2. Гужва, Е. Г. Воспитание нравственных ценностей у офицеров воинской части : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Гужва Евгений Геннадьевич. – М., 2009. – 26 с. – Текст : непосредственный.
3. Сухомлинский, В. А. Избранные педагогические сочинения : в 3 т. Т. 3 / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1981. – 640 с. – Текст : непосредственный.
4. Шаршов, И. А. Методологические основания исследования процесса профессионально-творческого саморазвития / И. А. Шаршов. – Текст : непосредственный // Вестник ТГПУ. – 2006. – № 2. – С. 33–49.
5. Прима, А. К. Студент технического вуза как субъект саморазвития / А. К. Прима. – Текст : непосредственный // Известия ЮФУ. Технические науки. Тематический выпуск «Педагогика и психология». – 2011. – № 10 (123). – С. 246–251.

REFERENCES

1. Voyennaya Sistema A.V. Suvorova. Voyenny universitet [Military System of A.V. Suvorov. Military University]. M., 2001. 299 p.
2. Guzhva E.G. Vospitaniye npravstvennykh tsennostey u ofitserov voinskooy chasti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Education of Moral Values of Officers of the Military Unit. Diss. Abstract]. M., 2009. 26 p.
3. Sukhomlinsky V.A. Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya [Selected pedagogical writings]. M., Pedagogy, 1979, vol. 3. 640 p.
4. Sharov I.A. Methodological foundations of the study of the process of professional-creative self-development. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2006, No. 2, pp. 33–49. (In Russian).

5. Prima A.K. A student of a technical university as a subject of self-development. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Tekhnicheskiye nauki = Bulletin of Southern Federal University. Engineering Sciences*, 2011, No. 10 (123), pp. 246–251. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лукаш, С. Н. Саморазвитие как условие формирования российского офицера новой формации / С. Н. Лукаш, И. А. Лобанов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 11–16.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lukash S. N., Lobanov I. A. Self-Development as a Condition for the Formation of a New Russian Officer Formation / S. N. Lukash, I. A. Lobanov // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2021, No. 3, pp. 11–16. (In Russian).

УДК 377.5

**ПРЕПОДАВАНИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН
С УЧЕТОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ПРОГРАММ**

Н.Н. Максютова

**TEACHING OF GENERAL SUBJECTS
TAKING INTO ACCOUNT THE PROFESSIONAL ORIENTATION
OF PROGRAMS**

N.N. Maksyutova

Аннотация. В статье описаны результаты мониторинга преподавателей общеобразовательных дисциплин образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования. Цель исследования – оценка уровня профессиональной ориентации общеобразовательных дисциплин, а также методы и формы ее реализации на практике.

Abstract. The article describes the results of teachers monitoring of general education disciplines of educational organizations implementing secondary vocational programs. The purpose of the study is to assess the level of vocational orientation of general education disciplines as well as methods and forms of its implementation in practice.

Ключевые слова: профессиональная направленность, профессиональная ориентация, интеграция общеобразовательных дисциплин.

Keywords: professional orientation, vocational guidance, integration of general education disciplines.

Одним из основных и объективных показателей качества подготовки кадров в профессиональных образовательных организациях является удельный вес численности выпускников, завершивших обучение и трудоустроившихся в течение одного года после завершения обучения, в общей численности выпускников. Для российской системы среднего профессионального образования (СПО) данный показатель ежегодно составляет чуть больше половины [3]. К причинам данного явления можно отнести стремительное изменение рынка труда, производственных процессов и инструментов, а также отсутствие профессиональной направленности личности выпускников.

Утверждение, о том, что профессиональная направленность обучения – это значимый фактор успешности профессиональной деятельности выпускника, сегодня является аксиомой. Наиболее распространённым является понимание профессиональной направленности применительно к личности. Однако ее формирование происходит последовательно: в процессе профессиональной ориентации, профессионального обучения и последующей деятельности. Наибольшее влияние оказывает система профессионального обучения, которая формирует мотивацию, ценности, интересы и профессиональные компетенции.

Поэтому можно утверждать, что в основе профессиональной направленности личности лет соответствующая ориентация обучения в целом и курс общеобразовательных дисциплин – в частности.

Законодательную основу профессиональной ориентации общеобразовательных дисциплин в системе СПО составляют документы федерального (Распоряжение Министерства просвещения РФ от 30 апреля 2021 г. № Р-98 «Об утверждении концепции преподавания общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ среднего профессионального образования, реализуемых на базе основного общего образования») и региональных (проекты «Современная школа») уровней. Именно разработка документального сопровождения стало импульсом для исследования практики внедрения методик преподавания общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ СПО.

Профессиональная направленность обучения в системе СПО и высшей школе рассматривается отечественными учеными и педагогами с различных позиций и предметных областей. Достаточно подробно изучены вопросы профессиональной ориентации учебных занятий по иностранным языкам (И.В. Комарцева), литературе (Е.А. Антонова), математике (Н.В. Филиппова, Т.В. Рудина), химии (Т.И. Анисимова, Ю.П. Мельник) и физической культуре (В.А. Кабачков, С.А. Полиевский).

М.И. Махмутов отмечает, что профессиональная направленность общеобразовательных дисциплин, независимо от профиля, предусматривает использование «педагогических средств, формирования знаний, умений, навыков и в то же время успешно формируют интерес к профессии и профессиональные качества личности» [2, с. 11].

Согласно В.В. Княжевой, реализация профессиональной направленности общеобразовательных дисциплин должна включать в себя структурирование и отбор содержания курса общеобразовательных дисциплин, их интеграцию с профессиональными модулями и МДК, использование современных, эффективных способов реализации учебного курса [1].

Е.Н. Фуртова рассматривает проектирование содержания рабочих программ общеобразовательных дисциплин через призму профессионального стандарта. Профессиональная ориентация должна осуществляться не с учетом компетенции, а учитывать трудовые функции, которые рассматриваются через описание действий [6].

Как отмечает О.В. Таканова, основными требованиями к содержанию общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности являются:

- когнитивная доступность – возможность включения отдельных содержательных элементов профессиональных дисциплин с учетом познавательных возможностей первокурсников;
- рациональность содержания дисциплины, реализованная с учетом актуальных мотивов выбора профессии, основных потребностей, ценностных

ориентаций студентов – обеспечение максимальных возможностей для формирования профессиональной ориентированности студентов при исключении всего второстепенного в содержании;

- валидность материала – обоснованность выбора информации, ее актуальность, значимость, точность [5].

Анализ исследований зарубежных авторов по проблеме показывает большое количество работ, описывающих профессиональную направленность личности студента, возможности профессионального образовательного учреждения в ее становлении. Работ, направленных на изучение преподавания общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ, относительно немного. Как отмечает R. Sweet, в большинстве стран Европы, Азии и США в учебном плане по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих значительную долю занимают общеобразовательные предметы [17]. Более современные исследования отмечают, что сегодня обучение является фактически мультидисциплинарным – поликонтекстуальным [10, с. 157]. В свою очередь интеграция общего и профессионального содержания рассматривается как средство повышения уровня выпускников профессиональных программ [15]. Интересным представляется опыт Норвегия, где обязательная интеграция общих и профессиональных предметов в системе СПО прописана законодательно [14].

Достаточное количество иностранных публикаций подтверждает положительное влияние интегрированные занятия на качество профессионального обучения [8; 13]. Исследователи приходят к выводам, схожим с отечественными: влияние профессиональной направленности общеобразовательных дисциплин на положительную профессиональную мотивацию и профессиональное развитие в целом однозначно. Также имеются эмпирические исследования, подтверждающие положительное влияние интеграции общеобразовательных и профессиональных дисциплин на развитие профессиональных компетенций специалистов различных сфер: физической культуры и спорта [11], безопасности технологических процессов [9], медицины [12; 18], общего образования [16].

С целью изучения имеющегося профессионального потенциала преподавателей СПО, реализующих общеобразовательные дисциплины, было организовано и проведено мониторинговое исследование педагогов образовательных организаций Волгоградской области, реализующих программы среднего профессионального образования.

В качестве инструмента проведения мониторинга были выбраны Google-формы, позволяющие структурировать ответы и быстро проанализировать результаты. В исследовании приняли участие 985 преподавателей из 46 учебных заведений региона (колледжей, техникумов, профессиональных училищ). Гендерное соотношение респондентов – 80,9 % женщин и 19,1 % мужчин. Такая диспропорция является ожидаемой, транслирующей ситуацию в целом по СПО.

Почти треть преподавателей (29,1 % от общего числа) моложе 40 лет. Половина опрошенных (50,2 %) в возрасте от 40 до 60 лет. Старше 60 лет

незначительная часть педагогов (15,7 %). Практически все преподаватели имеют высшее образование (98,1 % респондентов).

Как было отмечено ранее, сочетание обязательной и вариативной частей содержания общеобразовательной дисциплины является значимым фактором сохранения интереса к выбранной профессии и повышает качество образования. Для оценки данной возможности респондентам был предложен вопрос: «Каким образом осуществляется содержательная интеграция Ваших общеобразовательных программ и программ профессионального образования?» Ответы были обработаны и сведены в таблицу.

Таблица 1

Результаты диагностики содержательной интеграции общеобразовательных и профессиональных дисциплин

Вариант ответа	% ответов от общего числа респондентов
Включение в содержание рабочих программ общеобразовательных дисциплин тем, учитывающих профиль профессиональной подготовки по профессии или специальности	70,6 %
Внедрение профессионально-ориентированных видов деятельности	11,3 %
Выполнение обучающимися проектов профессиональной направленности	11 %
Проведение внеаудиторных занятий по профессиональному самоопределению	2,9 %
Проведение бинарных занятий	2,1 %
Интеграция отсутствует	2,1 %

Данные также представлены в виде круговой диаграммы (рис. 1):

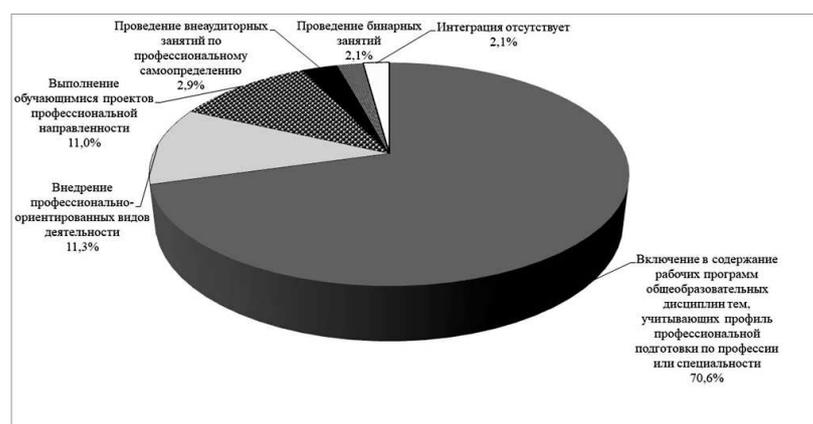

Рис. 1 – Формы содержательной интеграции общеобразовательных программ и программ профессионального образования

Видно, что почти две трети педагогов осуществляют профессиональную ориентацию общеобразовательных дисциплин исключительно путем интеграции отдельных тем, профессиональных вопросов в содержание учебной дисциплины. Хотелось бы отметить, что данная деятельность часто носит формальный характер, т. к. предварительный анализ рабочих программ показал полное отсутствие тем, учитывающих профиль профессионального обучения.

Чуть более десяти процентов преподавателей общеобразовательных дисциплин внедряют профессионально-ориентированные виды деятельности. Однако какие именно виды педагоги не уточняют. В качестве направлений профессиональной ориентации рассматриваются учебные проекты и проведение внеаудиторной работы по профессиональному самоопределению. Незначительное число респондентов (а именно 2,2 % от общей выборки) организует бинарные занятия, т. е. включающие одновременное изучение двух и более дисциплин.

Далее преподавателям предлагалось ответить о педагогических методах, реализуемых с целью профессиональной ориентации преподаваемых общеобразовательных дисциплин. Чуть более семи процентов опрошенных не смогли ответить на вопрос. Остальные распределились достаточно равномерно. Результаты для визуализации представлены на диаграмме (рис. 2):

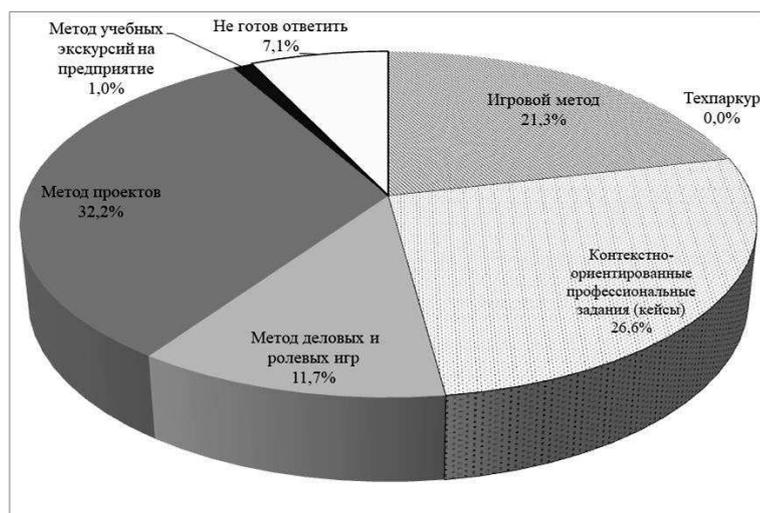

Рис. 2 – Педагогические методы, реализуемых с целью профессиональной ориентации преподаваемых общеобразовательных дисциплин

Из диаграммы видно, что наиболее востребованным является метод проектов – его использует одна треть педагогов (32,2 %). Достаточно востребованы профессиональные задания – кейсы (26,6 %), а также игровой метод (21,3 %). Метод технопаркура преподавателям не знаком.

Далее преподавателям предлагалось оценить возможность различных видов работы в обеспечении связи между общеобразовательными и профессиональными дисциплинами: конференция, экскурсия, олимпиада, конкурс профессионального мастерства и учебное занятие. Распределение ответов представлено визуально (рис. 3).

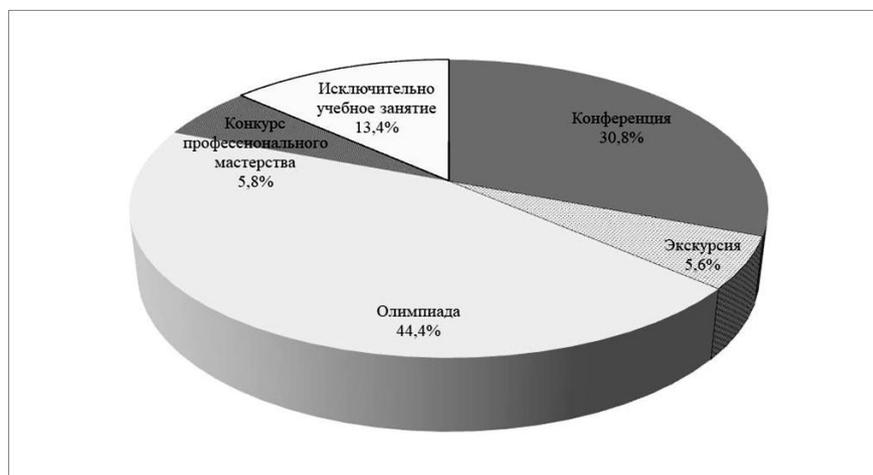

Рис. 3 – Способы реализации профессиональной направленности общеобразовательных дисциплин

Из диаграммы видно, что педагоги отдают предпочтение традиционным видам работы – оценили возможности предметных олимпиад в профессиональной направленности почти половина опрошенных (44,4 %). Также каждый третий преподаватель готов работать в данном направлении путем подготовки студентов к конференциям (30,8 %).

Необходимо отметить, что педагогический потенциал преподавателей, участвующих в мониторинге, достаточно высокий. Отмечен значимый процент успеваемости обучающихся по преподаваемой общеобразовательной дисциплине – почти две трети педагогов имеют успеваемость более 80 %. Следовательно, преподаватели общеобразовательных дисциплин имеют высокий уровень профессиональной подготовки и готовы к внедрению методик преподавания общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ СПО.

В заключение можно отметить, что целью профессиональной образовательной организации является соблюдение баланса в содержании обучения, оптимальном соотношении дисциплин. Общеобразовательные дисциплины являются необходимым элементом профессионального образования и основой для формирования профессиональных компетенций. Их профессиональная направленность позволит не только легко повышать образовательный уровень студента, но и повысит понимание студентом будущей профессии.

Как отмечает И.А. Остробородова, преподавание общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ способствует формированию профессионального мировоззрения, профессиональной культуры студента [4].

Данный процесс может быть оптимизирован в результате реализации следующих условий [7]:

- рассмотрение общеобразовательной подготовки, наряду со специальной и производственной как единой системы профессионального образования студента;

- направление общеобразовательной подготовки на формирование базовых знаний и компетенции, необходимых будущему специалисту определенной сферы деятельности;

- ориентация общеобразовательной подготовки на формирование профессионального мировоззрения и профессиональной культуры выпускника;

- включение в содержание рабочих программ общеобразовательных дисциплин тем учитывающих профиль профессиональной деятельности;

- установление тесных деловых взаимоотношения и сотрудничества между преподавателями общеобразовательной и профессиональной подготовки при составлении тематического планирования и распределения часов, отводимых на изучение тем и разделов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Княжева, В. В. Профессиональная направленность дисциплин социально-гуманитарного профиля в системе СПО: практика и технологии / В. В. Княжева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 2 (136). – С. 590–595.

2. Махмутов, М. И. Принцип профессиональной направленности обучения / М. И. Махмутов. – Челябинск : ЧПУ, 1985. – 127 с. – Текст : непосредственный.

3. О результатах мониторинга качества подготовки кадров в 2020 году : информационный бюллетень. – М. : МИРЭА – Российский технологический университет, 2020. – 39 с. – URL: <https://miccedu.ru/static/monitoring-spo.html>. – Текст : электронный.

4. Остробородова, И. А. Особенности реализации общеобразовательных дисциплин в профессиональных образовательных организациях / И. А. Остробородова, Е. А. Нефедова. – Текст : непосредственный // Непрерывное образование. – 2016. – № 3 (17). – С. 44–48.

5. Таканова, О. В. Требования к отбору профессионально ориентирующего компонента содержания дисциплины «Иностранный язык» / О. В. Таканова. – Текст : непосредственный // Сборник материалов очно-заочной Региональной научно-практической конференции. – Омск : изд-во Омского ГАУ, 2016. – С. 94–96.

6. Фуртова, Е. Н. Проектирование содержания общепрофессиональных дисциплин на основе профессионального стандарта / Е. Н. Фуртова. – Текст : непосредственный // Социальное и профессиональное становление личности в эпоху больших вызовов : сборник статей всероссийской конференции с международным участием. – Ярославль, 2021. – С. 256–261.

7. Шапкина, В. А. Профессиональная направленность преподавания общепрофессиональных дисциплин / В. А. Шапкина, И. И. Комиссарова, Н. Н. Габитов. – Текст : непосредственный // *PrimoAspectu*. – 2019. – № 4 (40). – С. 23–29.
8. Baartman, L.K. Integrating knowledge, skills and attitudes: conceptualizing learning processes towards vocational competence / L.K. Baartman, E. de Bruijn. – Текст : непосредственный // *Educ. Res. Rev.*, Vol. 6 (2), 2011, pp. 125–134.
9. Chen, G. Developing a talent training model related to chemical process safety based on interdisciplinary education in China / G. Chen, X. Li, X. Zhang, G. Reniers. – Текст : непосредственный // *Education for Chemical Engineers*, Vol. 34, January 2021, pp. 115–126.
10. Fjørtoft, H. Navigating the boundaries between home, work and school. Teaching values and literacies in VET / H. Fjørtoft. – Текст : непосредственный // *International Journal of Educational Research*. – Vol. 85, 2017, pp. 157–166.
11. García-Ricoa, L.M. The building up of professional aptitudes through university service-learning's methodology in sciences of physical activity and sports / L.M. García-Ricoa. – Текст : электронный // *Teaching and Teacher Education*, Vol. 105, September 2021. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0742051X21001268?via%3Dihub>.
12. Griffio, J.M. A systematic review of integrative practices in physical education (2009–2018) / J.M. Griffio, P. Hodges-Kulinna, R. Harri, J. Martinen, S. Battistell. – Текст : электронный // *International Journal of Educational Research*. – Vol. 104, 2020. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2020.101689>.
13. Hiim, H. Ensuring curriculum relevance in vocational education and training: epistemological perspectives in a curriculum research project / H. Hiim. – Текст : непосредственный // *Int. J. Res. Voc. Edu. Train.*, Vol. 4 (1), 2017, pp. 1–19.
14. Regulations of the Education Act (FOR-2006-06-23-724). – URL: <https://lovdata.no/dokument/SF/forskrift/2006-06-23-724>. – Текст : электронный.
15. Roberts, C. Embedded teaching and learning of adult literacy, numeracy and ESOL: Seven case studies / C. Roberts, M. Baynham, P. Shrubshall, J. Brittan, B. Cooper, N. Gidley, V. Windsor, J. Eldred, S. Grief, C. Castillino. – Текст : электронный // London: National Research and Development Centre for Adult Literacy and Numeracy, 2005. – URL: <https://dera.ioe.ac.uk/29832/>.
16. Skarpaas, K.G. Vocational orientation – A supportive approach to teaching L2 English in upper secondary school vocational programmes / K.G. Skarpaas. – Текст : электронный // *International Journal of Educational*. – Vol. 2–2, 2021. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666374021000340>.
17. Sweet, R. Upper Secondary Curriculum Structures in OECD Countries (2005) / R. Sweet. – Текст : электронный. – URL: <http://hdl.voced.edu.au/10707/349112>.
18. Tosunöz, K. Perceptions of interdisciplinary education and readiness for inter-professional education of nursing students: A sample of three different cities in Turkey / K. Tosunöz, S.K. Yıkar, Z. Çerçer, P. Kara, S. Arslan, E. Nazik. – Текст : электронный // *Nurse Education Today*. – Vol. 97, February 2021. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2020.104673>.

REFERENCES

1. Knyazheva V.V. Professional orientation of social and humanitarian disciplines in the SVO system: practice and technology. *Molodoyuchenyy = Young Scientist*, 2017, No. 8 (136), pp. 590–595. (In Russian).

2. Mahmutov M.I. *Princip professional'noy napravlenosti obucheniya* [The Principle of Vocational orientation of Training]. Chelyabinsk, CHPU, 1985. 127 p.

3. *O rezul'tatah monitoring kachestva podgotovki kadrov v 2020 godu: informacionnyy byulleten* [Results of Training Quality Monitoring in 2020: Newsletter]. M., MIREA – Russian Technological University, 2020. 39 p. Available at: <https://miccedu.ru/static/monitoring-spo.html>.

4. Ostroborodova I.A. Nefedova E.A. Peculiarities of general education disciplines implementation in professional educational organizations. *Nepreryvnoe obrazovanie = Life-Long Education*, 2016, No. 3 (17), pp. 44–48. (In Russian).

5. Takanova O.V. *Trebovaniya k otboru professional'no orientiruyushchego komponenta sodержaniya discipliny «Inostranny yazyk»* [Requirements for Selection of the Professional Orientation Component of the Content of the Discipline "Foreign Language"]. Omsk, 2016. Pp. 94–96.

6. Furtova E.N. Design of content of professional disciplines based on professional standard. *Sotsial'noye i professional'noye stanovleniye lichnosti v epokhu bol'shikh vyzovov: sbornik statey vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Social and Professional Formation of Personality in the Era of Great Challenges: A Collection of Articles of the All-Russian Conference with International Participation*. Yaroslavl, 2021. Pp. 256–261. (In Russian).

7. Shapkina V.A., Komissarova I.I., Gabibov N.N. Professional orientation of teaching general vocational disciplines. *Primo Aspectu = Primo Aspectu*, 2019, No. 4 (40), pp. 23–29. (In Russian).

8. Baartman L.K., Bruijn E. Integrating knowledge, skills and attitudes: conceptualizing learning processes towards vocational competence. *Educational Research and Review*, 2011, vol. 6 (2), pp. 125–134.

9. Chen G., Li X., Zhang X., Reniers G. Developing a talent training model related to chemical process safety based on interdisciplinary education in China. *Education for Chemical Engineers*, 2021, vol. 34, pp. 115–126.

10. Fjørtoft H. Navigating the boundaries between home, work and school. Teaching values and literacies in VET. *International Journal of Educational Research*, 2017, vol. 85, pp. 157–166.

11. García-Ricoa L.M. The building up of professional aptitudes through university service-learning's methodology in sciences of physical activity and sports. *Teaching and Teacher Education*, 2021, vol. 105. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0742051X21001268?via%3Dihub>.

12. Griffo J.M., Hodges-Kulinna P., Harri R., Marttinen J., Battistell S. A systematic review of integrative practices in physical education (2009–2018). *International Journal of Educational Research*, 2020, vol. 104. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2020.101689>.

13. Hiim H. Ensuring curriculum relevance in vocational education and training: epistemological perspectives in a curriculum research project. *International Journal for Research in Vocational Education and Training*, 2017, vol. 4 (1), pp. 1–19.

14. Regulations of the Education Act (FOR-2006-06-23-724). Available at: <https://lovdata.no/dokument/SF/forskrift/2006-06-23-724>.

15. Roberts C., Baynham M., Shrubshall P., Brittan J., Cooper B., Gidley N., Windsor V., Eldred J., Grief S., Castellino C. Embedded teaching and learning of adult literacy, numeracy and ESOL: Seven case studies. London, National Research and Development Centre for Adult Literacy and Numeracy, 2005. Available at: <https://dera.ioe.ac.uk/29832/>.

16. Skarpaas K.G. Vocational orientation – A supportive approach to teaching L2 English in upper secondary school vocational programmes. *International Journal of Educational Research*, 2021, vol. 2–2, Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666374021000340>.

17. Sweet R. Upper Secondary Curriculum Structures in OECD Countries. 2005. Available at: <http://hdl.voced.edu.au/10707/349112>.

18. Tosunöz K., Yıkar S.K., Çerçer Z., Kara P., Arslan S., Nazik E. Perceptions of interdisciplinary education and readiness for inter-professional education of nursing students: A sample of three different cities in Turke. *Nurse Education Today*, 2021, vol. 97. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2020.104673>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Максютова, Н. Н. Преподавание общеобразовательных дисциплин с учетом профессиональной направленности программ / Н. Н. Максютлова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 17–26.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Maksyutova N. N. Teaching of General Subjects Taking Into Account the Professional Orientation of Programs / N. N. Maksyutova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 17–26. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94 (470.6)

**ГЕНЕРАЛ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ И ЧЕЧНЯ.
ЧАСТЬ 3. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ
В МАЛОЙ И БОЛЬШОЙ ЧЕЧНЕ, НАЗРАНОВСКОМ
И ГАЛАШЕВСКОМ ОБЩЕСТВАХ (АПРЕЛЬ–ИЮНЬ 1858 Г.)**

А.А. Головлёв

**GENERAL NIKOLAY IVANOVICH EVDOKIMOV AND CHECHNYA.
PART 3. MILITARY AND POLITICAL EVENTS
IN MALAYA AND BOLSHAYA CHECHNYA, NAZRANOVSKOE
AND GALASHEVSKOE SOCIETIES (APRIL–JUNE 1858)**

A.A. Golovlyov

Аннотация. Третья часть из серии статей о ген.-л. Н.И. Евдокимове посвящена военно-политическим событиям в Малой и Большой Чечне, Назрановском и Галашевском обществах, происходившим в апреле–июне 1858 г., накануне начавшейся в июле 1858 г. экспедиции Чеченского отряда к укрепленному горному аулу Гакко (Шатой). Показано, как дипломатические усилия ген.-л. Н.И. Евдокимова привели к добровольному принятию русского подданства и переселению на плоскость ранее подвластного имаму Шамилю многочисленного населения нагорной части Малой Чечни. Освещается процесс массового переселения малочеченцев из лесов Чёрных гор на плоскость, под прикрытием русских войск, защищавших переселенцев от нападения отрядов имама Шамиля. Рассматриваются действия Н.И. Евдокимова по предотвращению вторжения войск имама Шамиля на плоскость Чечни и урегулированию напряжённой военно-политической обстановки в Назрановском и Галашевском обществах.

Abstract. The third part of the series of articles about General N.I. Evdokimov is devoted to the military and political events in Malaya and Bolshaya Chechnya, Nazranovskoe and Galashevskoe ethnic societies that took place in April–June 1858, on the eve of the expedition of the Chechen detachment to the fortified mountain village of Gakko (Shatoi), which began in July 1858. It is shown how the diplomatic efforts of General N.I. Evdokimov led to the voluntary acceptance of Russian citizenship and relocation to the plane of the numerous population of the mountainous part of Malaya Chechnya, previously subject to Imam Shamil. The article highlights the process of mass resettlement of a few Chechens from the forests of the Black Mountains to the plane, under the cover of Russian troops who protected the settlers from the attack of Imam Shamil's detachments. The article considers the actions of N.I. Evdokimov to prevent the invasion of Imam Shamil's troops on the plane of Chechnya and to resolve the tense military and political situation in Nazranovskoe and Galashevskoe ethnic societies.

Ключевые слова: генералы Н.И. Евдокимов, П.И. Кемферт, В.К. Мищенко, имам Шамиль, наибы Батока, Казы-Магома и Саибдула, Малая Чечня, Большая Чечня, Назрановское общество, Галашевское общество.

Keywords: generals N.I. Evdokimov, P.I. Kemfert, V.K. Mishchenko, Imam Shamil, Batoka, Kazi-Magoma and Saibdula naibs, Malaya Chechnya, Bolshaya Chechnya, Nazranovskoe ethnic society, Galashevskoe ethnic society.

Начальная часть второго этапа плана ген.-л. Н.И. Евдокимова по овладению Чечнёй, претворявшаяся зимой и ранней весной 1858 г., успешно завершилась взятием Аргунского ущелья и его окрестностей под полный контроль Чеченского отряда¹. Однако на русские войска, изнурённые боевыми действиями и тяжёлыми инженерно-строительными работами в горах, в конце марта 1858 г. обрушилось новое испытание в виде стихийных природных явлений.

Из-за сильной оттепели и проливных дождей Чеченский отряд, дислоцировавшийся в лагерях вблизи Аргунского ущелья, оказался почти отрезанным от кр. Воздвиженской [2]. Колёсная дорога, проложенная солдатами по Аргунскому ущелью, настолько пришла в негодность, что не только движение обозов, но и самих войск, стало весьма затруднительным. Вдобавок оползень, сошедший с горы в самом узком месте ущелья, перегородил дорогу. Уровень воды в реках резко повысился, и броды сделались небезопасными. Во второй раз мощным водным потоком был снесён временный деревянный мост на р. Чанты-Аргун. Через эту реку могла переходить только пехота по кладкам, положенным на сваи, вбитые при возведении постоянного моста. Подвоз припасов из кр. Воздвиженской в укр. Аргунское² практически прекратился.

Несмотря на непредвиденные трудности, ген.-л. Н.И. Евдокимов продолжил выполнение своего замысла. Казалось, что генерал, закрепляя достигнутый военный успех, продолжит движение войск вглубь гор Чечни. Однако 1 апреля 1858 г. Н.И. Евдокимов с главными силами Чеченского отряда (10^{1/2} батальонов Виленского, Тенгинского и Навагинского пехотных полков и сводно-линейный стрелковый батальон, 2 роты 20-го стрелкового батальона, 1 сотня 2-го Сунженского и 2 сотни Моздокского казачьих полков, 4 горных и 2 конных орудия) выступил в Малую Чечню. В укр. Аргунском он оставил гарнизон из пехотного батальона под командованием майора Навагинского полка В.П. Черепанова для предупреждения от всевозможных покушений наиба Батоки из ущелья Чанты-Аргуна, а в лагере на берегу этой реки отряд (4^{1/4} батальона пехоты, 1 казачья сотня, 4 орудия) во главе с командиром Белостокского пехотного полка полк. П.Н. Шатиловым. Отряду

¹ См. вторую часть из серии наших статей [1].

² Оно строилось при оставленном чеченцами ауле Дачу-Барзой. Уточним, что по повелению Государя Императора укр. Аргунское получило своё название 13 марта 1858 г.

полк. П.Н. Шатилова было приказано заняться достройкой моста и восстановлением разрушенной стихийными природными явлениями колёсной дороги для сообщения с кр. Воздвиженской [2; 3].

В Малой Чечне Чеченский отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова стал лагерем на р. Энгелик, где уже находилась передовая колонна полк. О.Б. Рихтера. Общая численность отряда Н.И. Евдокимова составила $13\frac{1}{4}$ батальонов пехоты, 5 сотен казаков, 2 сотни горской милиции при 12 орудиях [4]. Для понимания причины, вызвавшей апрельское (1858 г.) движение главных сил Чеченского отряда из Аргунского ущелья на плоскость Малой Чечни, возвратимся к военным событиям, происшедшим осенью 1857 г.

По Г.Н. Казбеку [5], после перехода плоскости Малой Чечни под контроль войск Левого фланга, всё враждебное российской власти чеченское население переместилось в дремучие леса Чёрных гор или поселилось в аулах вдоль их подножия. По мере того, как Большая Чечня всё больше отпадала от власти имама Шамиля, Малая Чечня приобретала для него всё большее значение. Горы, прилегавшие к плоскости Малой Чечни, сделались сборным местом для самых отчаянных разбойников, злейших врагов России. Мелкие партии малочеченских джигитов чуть ли не ежедневно совершали дерзкие нападения на укрепления и войска, тревожили мирные чеченские аулы¹. С многочисленными нападениями отрядов малочеченцев Н.И. Евдокимов мириться не мог.

В октябре 1857 г. ген.-л. Н.И. Евдокимов привёл войска, сосредоточенные на четырёх исходных позициях (Алхан-юрт, Бердыкель, Большой Чечен², Грозная) отдельными колоннами, в полную боевую готовность. Все действия, предпринятые генералом при подготовке войск к экспедиции, убеждали имама Шамиля в том, что колонны эти предназначаются для общего наступления в Большую Чечню (на р. Басс) [5]. Однако как военачальник Н.И. Евдокимов в очередной раз переиграл многоопытного имама Шамиля.

Русские войска получили неожиданный приказ: всем колоннам форсированным маршем двигаться в Малую Чечню с тем, чтобы в ночь с 19 на 20 октября 1857 г. прибыть к переправе через р. Гойта. Ранним утром 20 октября соединившиеся у гойтинской переправы колонны (всего $10\frac{1}{2}$ батальонов пехоты, 17 сотен казаков, 5 сотен горской милиции, при 26 орудиях) под командованием ген.-л. Н.И. Евдокимова двинулись к подножию Чёрных гор. К удивлению командующего войсками, вскоре обнаружилось, что все горы в междуречье Энгелик – Мартан были густо населены аулами немирных чеченцев.

Ген.-л. Н.И. Евдокимов с ходу атаковал крупный аул Чижнахой (= Чиннахой?), лежавший на перекрёстке важных дорог и бывший ключевым

¹ Приведём некоторые примеры разбойных деяний малочеченцев: избиение донских казаков, сожжение запасов казённого сена в кр. Воздвиженской и укр. Урус-Мартанском, угон стада у жителей аула Атаги [5].

² Большой Чечен – старинное название нынешнего с. Чечен-Аул.

звеном для взятия соседних аулов. Чеченцы, застигнутые русскими войсками врасплох в ауле, считавшемся недоступным, бились как иступлённые. Их боевой клич, подобно грому, разлетелся по окрестностям. Вытесняемые из аула, чеченцы не отступали, а бросались с шашками на ряды солдат, и погибали на штыках.

По Г.Н. Казбеку, рядом со своими мужьями и отцами дрались даже женщины и дети, «...и не одно жестокое убийство случилось в этот ужасный день от руки тех, которым природа указала вовсе не истребление человеческого рода» [5, с. 390–391]. Поле боя у Чижнахой усеялось вражескими телами. Русские войска потеряли 1 офицера и 27 солдат убитыми и 26 солдат ранеными¹.

После Чижнахой наступила очередь других немирных аулов. В ходе набегов и поисков русские войска разорили все неприятельские аулы по Энгелику, Гойте и Мартану. Посланные имамом Шамилём на помощь малочеченцам отряды под начальством трёх наибов никак не помогли. Ген.-л. Н.И. Евдокимов дезориентировал наибов обманными движениями колонн генерал-майоров П.И. Кемферта и В.К. Мищенко и с минимальными потерями достиг успеха².

В результате осенней экспедиции 1857 г. в Малую Чечню всё враждебное российской власти население вынуждено было подняться ещё выше в горы, однако угроза нападения с гор на плоскость, в тыл Чеченскому отряду, полностью не миновала. Вот почему перед столь серьёзным и рискованным предприятием, как движение по труднодоступному ущелью Чанты-Аргуна к аулу Гакко, русский командующий решил окончательно закрыть «малочеченский вопрос».

В марте 1858 г., будучи ещё в Аргунском ущелье, ген.-л. Н.И. Евдокимов послал доверенных лиц из горцев к жителям нагорной части Малой Чечни [4]. Через посредство лазутчиков, генерал объявлял, что больше не намерен терпеть непокорность малочеченцев, и что им следует сделать выбор. Если малочеченцы добровольно покорятся и выполнят требования генерала, они получают землю на плоскости. Если же малочеченцы не принесут немедленной покорности, то им придётся оставить свои поля и жилища на разорение и уходить дальше

¹ На наш взгляд, Чижнахойский бой – самый ожесточённый бой в Чечне, в котором участвовали войска Н.И. Евдокимова в 1857–1859 гг. По уровню ожесточения противоборствующих сторон этот бой отчасти напоминал Дады-Юртовский бой ермоловской эпохи. Однако потери русских войск в Чижнахойском бою были относительно невелики. Как и после Дады-Юртовского боя (когда от побоища было спасено до 140 раненых чеченских женщин и детей) [6], после Чижнахойского боя первую медицинскую помощь многим раненым немирным чеченцам оказали русские военные врачи.

² Отдав приказ П.И. Кемферту атаковать аулы по Энгелику, Н.И. Евдокимов сначала послал колонну В.К. Мищенко вверх по Гойте. Увидев это движение, шамилевские наибы с отрядами также направились на Гойту, заняли аул Туркой и стали ждать атаки колонны В.К. Мищенко. Но в это время колонна П.И. Кемферта атаковала аулы по Энгелику. Стрельба и пожары в ущелье Энгелика указали набам на их просчёт. Оставив Туркой, отряды наибов потянулись на Энгелик. Тогда колонна В.К. Мищенко захватила аул Туркой.

в горы, где их в ближайшее время всё равно достигнут русские войска. Покорность от добровольно не покорившихся малочеченцев в позднейшее время тоже будет принята. Но, в таком случае, эти малочеченцы, после неизбежного переселения с гор на плоскость Чечни, лишатся права на получение земли и на всякое снисхождение со стороны русского начальства.

Как писал И.И. Ореус [3], чеченцы знали, что Учгёз¹ не тот человек, который угрозы и обещания бросает на ветер. Поэтому как только отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова расположился на Ангелике, в русский лагерь явились «...депутаты из почетнейших жителей фамилии Гой с изъявлением покорности и готовности всех Гойтинцев выселиться на плоскость; просили только, чтоб войска наши защищали их от насилий наиба Малой Чечни, находившегося с партией Шатоевцев между верховьями Гойты и Ангелика и зорко следившего за их поведением» [4, с. 1076]². Н.И. Евдокимов пообещал депутатам, что поддержит всех желающих добровольно покориться малочеченцев, и потребовал, чтобы они 2 апреля 1858 г. стали спускаться с имуществом на плоскость.

Встречу ген.-л. Н.И. Евдокимова с депутатами от Гойтинского общества кратко обрисовал Н.А. Волконский [7]. Выслушав красноречивую и льстивую речь гойтинцев о том, что русские для них будто бы первейшие благодетели, а имам Шамиль – яман (плохой), и что гойтинцы готовы хоть сейчас принести покорность, лишь бы русские войска оградили их при выходе с гор от покушений шамилевских партий, Н.И. Евдокимов сделал им несколько подходящих к случаю комплиментов и пообещал всяческое содействие при переселении на плоскость³. Затем генерал позаботился об угощении гойтинских депутатов. В лагере горской милиции их угостили на славу (подавали и горячительные напитки). В восторге от оказанного приёма, депутаты разъехались по аулам.

Выполняя данное гойтинцам обещание, ген.-л. Н.И. Евдокимов на рассвете 2 апреля направил в верховья Ангелика две войсковые колонны, возглавляемые полковниками О.Б. Рихтером и А.А. Баженовым, для защиты переселенцев от мюридов наиба Малой Чечни Саибдулы. Остальные силы Чеченского отряда под командованием полк. З.Н. Алтухова заняли позицию на плоскости Малой Чечни в междуречье Ангелик – Гойта (на р. Шавдон) для охраны уходящих из-под власти имама Шамиля и добровольно покоряющихся малочеченцев.

¹ Учгёз (Учгез, Учгеза) – буквально «трёхглазый». Так горцы называли Н.И. Евдокимова, имевшего на лице, кроме двух собственных глаз, ещё один приобретённый «глаз» в виде закрытого пластырем пулевого ранения.

² Гой (Гой) – чеченский тайп. От этого этнонима произошли такие географические названия Чечни как реки Гойта, Гойчу, Малый и Большой Гой, селения Гойты, Гойское и др.

³ По свидетельству Н.А. Волконского [7], Н.И. Евдокимов использовал любые ухищрения, чтобы избежать боя, и вступал в бой только тогда, когда избежать его было нельзя. Генерал отвергал личное достоинство в тех случаях, когда дело шло о пользе государства и спасении жизни десятков и сотен людей. Ради этого Н.И. Евдокимов жертвовал генеральской бонтономностью и личным достоинством, и не считал это своим унижением.

В одной колонне, выступившей вглубь Чёрных гор по ущелью Ангелика, находился К. Дидимов [8]. Он описал события, произошедшие в этом ущелье. Поскольку в колонне не знали цель движения в горы, то, как обычно, приготовились к бою с противником. Однако всех удивляло одно обстоятельство: при подходе колонны к немирным аулам, разбросанным по горам, чеченцы не проявляли никакой враждебности. Вскоре колонну разделили на несколько отрядов; за каждым из них «закрепили» конкретный аул. После этого в отрядах узнали, что в ущелье Ангелика войска направили не сражаться с чеченцами, а наоборот, защищать решивших изъявить покорность и переселиться на плоскость чеченцев от нападений их же соотечественников.

Согласно К. Дидимову [8], как только русские отряды заняли боевые позиции, из лесных ущелий Чёрных гор на плоскость потянулись сотни чеченских арб с имуществом. За арбами шли старики, старухи, молодые люди и дети, которые несли на себе то, что каждый мог унести. Вслед за ними перегонялись многочисленные стада крупного рогатого скота и отары.

Малочеченцы, бывшие ещё вчера непоколебимыми врагами русской власти, а осенью 1857 г. отчаянно дравшиеся с Чеченским отрядом ген.-л. Н.И. Евдокимова при защите своих аулов, «...теперь очутились между нас, как бы старые кунаки. Переселение их из гор к нам, как можно было заметить из веселого расположения их духа, не только не наводило на них какое-либо уныние... но напротив того в них... была видна радость, подобная радости узника, освободившегося из заключения на всегдашнюю свободу» [8, с. 109]. Нечто подобное наблюдал также и неизвестный автор [9], который в составе другой колонны поднялся к верховью р. Мартан. За перевалом Чёрных гор находился аул, жители которого принесли покорность русской власти, но не могли переселиться на плоскость из-за угрозы нападения отряда тавлинцев, присланного имамом Шамилём. По просьбе жителей, в этот аул пришли русские войска, обеспечившие безопасное переселение на плоскость. При быстрой эвакуации из родного аула, сжигаемого солдатами под свист тавлинских пуль, на лицах чеченских переселенцев не было видно выражения грусти, и только у некоторых из них, когда аул почти скрылся из виду, навернулись слёзы в глазах.

Другой участник событий Н.А. Волконский о массовом исходе с гор добровольно принявших русское подданство малочеченцев сообщал так: «И началось переселение кавказских гуннов: заскрипели по разным направлениям десятки арб, закудахкали куры, заблеяли бараны и овцы, завизжали дети. Целый день прибывали арбы в лагерь... Содом был невероятный» [7, с. 458].

Пример Гойтинского общества повлиял на соседнее Гехинское общество. На следующий день, 3 апреля 1858 г., к ген.-л. Н.И. Евдокимову прибыли депутации из почётных лиц Гехинского общества. Депутации выразили готовность принять русское подданство, выселиться с Чёрных гор в указанные им места на плоскости Малой Чечни, и получить, как и гойтинцы, земельные наделы [4].

Действия главных сил Чеченского отряда в апреле 1858 г., обеспечившие массовое переселение малочеченцев на плоскость, производились в следующем

порядке. Отряд продвигался с востока на запад вдоль подошвы Чёрных гор, делая остановки у входа в каждое лесное ущелье (реки Ангелик, Гойта, Мартан, Танги, Рошня, Гехи, Валерик, Шалажи, Фортанга). Затем от отряда отделялись войсковые колонны¹, направлявшиеся в верховья ущелий по труднопроходимым тропам. Прикрывая переселяющиеся на плоскость аулы от нападения отрядов наибов Батоки, Саибдулы и отряда тавлинцев, русские войска перестреливались с ними и отходили с позиций в сторону своего лагеря только тогда, когда переселенцы с имуществом были в полной безопасности, а их сакли в брошенных аулах сожжены. По договорённости, все покинутые жителями горные аулы сжигались дотла, но после того, как перевозка имущества из этих аулов прекращалась, а их жители спускались на плоскость Малой Чечни и направлялись в указанные им для жительства новые места в долине Сунжи.

В отдельных случаях переселение малочеченцев на плоскость начиналось без участия русских войск. Например, когда партия наиба Батоки, тщетно пытавшаяся остановить переселение, или, на худой конец, захватить имущество уходящих к русским горцев, удалилась с верховьев Шалажи, жители тамошних аулов стали спускаться на плоскость ещё до прихода войск. Тем не менее ген.-л. Н.И. Евдокимов [4] направил в верховья Шалажи колонну полк. А.А. Баженова для прикрытия переселенцев от вероятных покушений со стороны неприятеля и сожжения оставляемых жилищ.

Переселив всех желающих малочеченцев из одного горного ущелья, Чеченский отряд передвигался к входу в следующее ущелье. Бывало, что в течение одного дня, одна и та же колонна переселяла на плоскость нескольких горных аулов. Богатые чеченцы по несколько раз ездили из русского лагеря в горы с пустыми арбами забирать оставшееся личное имущество.

Для облегчения и ускорения транспортировки имущества малочеченцев принимались дополнительные меры. Во-первых, для перевозки задействовали сотни арб жителей мирных аулов. Во-вторых, ген.-л. Н.И. Евдокимов приказал солдатам и казакам помогать горцам в перевозке их имущества.

Современники событий оставили для истории примеры помощи, оказанной русскими военными малочеченским переселенцам. Когда в верховьях Рошни тропа из-за сильных дождей сделалась непроходимой для вьючного транспорта, солдаты и казаки на своих плечах не раз выносили имущество бывших врагов [4]. Нечто подобное случилось и в верховье Мартана: «Казаки, получив приказание помогать жителям, исполняли это дело добросовестно, забирая на свои седла, по возможности, все, что не помещалось на арбах. Перины, подушки, переметные сумы, узлы с одеждой, кувшины, деревянная посуда и проч., даже ребятишки нашли себе приют на казацком седле» [9, с. 428].

На плоскость переселились не все жители нагорной полосы Малой Чечни. В горах укрылись те жители, которые знали, что за свои прежние

¹ Они составлялись из пехотных батальонов и казачьих сотен, с придачей артиллерийских орудий.

деяния могут понести наказание. К. Дидимов [8] писал, что из-за страха получить наказание они удалились дальше в горы, к наибу Саибдуле. Наиб собрал этих разбойников в шайки и стал посылать их во все аулы, чтобы помешать переселению горцев к русским. Пользуясь удобным моментом, разбойники начали повсеместный грабёж переселенцев. Жители горных аулов убегали и прятались от грабителей, как и от отряда тавлинцев, посланного имамом Шамилём на помощь наиба Саибдуле и Батоке. Иногда горские переселенцы, при поддержке русских войск, перестреливались с тавлинцами и изгоняли их из своих аулов.

На плоскости Малой Чечни горские переселенцы первоначально размещались в военных лагерях под защитой русских войск. На следующий день после прибытия в лагерь новые подданные отправлялись в места, отведённые для постоянного проживания (расселялись по Сунже, в виду казачьих станиц).

В рапорте ген.-л. Н.И. Евдокимова от 19 апреля 1858 г. подводился итог переселенческой работы Чеченского отряда: в нагорной части Малой Чечни не осталось ни одного аула. Командующий войсками Левого фланга писал: «Из всего населения, обитавшего на пространстве от Аргуна до Фортанги, не более нескольких десятков семейств закоренелых фанатиков или преступников бежало далее в горы к Шатоевцам, Пшехойцам или Акинцам; остальные вышли к нам с покорностью и поселяются ныне на плоскости правильными аулами, ниже Русской дороги. Нет еще возможности определить с точностью число выходцев; во всяком случае, они составляют более 2,500 сем.; аулов сожжено 96» [4, с. 1078]. За период переселенческой работы (2–19 апреля 1858 г.) потери Чеченского отряда составили 2 убитых и 9 раненых нижних чинов.

Минимальные потери Чеченского отряда в ходе выполнения столь масштабной и нелёгкой боевой задачи – безусловная заслуга не только ген.-л. Н.И. Евдокимова, но и его соратников. К их числу относятся: полковники З.Н. Алтухов, А.А. Баженов, М.П. фон-Кауфман, М.А. Кундухов, О.Б. Рихтер, флигель-адъютант, кн. Д.И. Святополк-Мирский, подполковники П.Г. Беллик, Ф.А. Добржанский, И.Д. Мансурадзе, Ф.А. Момбели и др.

Пока ген.-л. Н.И. Евдокимов с Чеченским отрядом переселял живших в Чёрных горах малочеченцев, добровольно принявших российское подданство, в Большой Чечне активизировался имам Шамиль¹. По агентурным данным, ещё в начале апреля, когда главные силы Чеченского отряда стали выдвигаться на плоскость Малой Чечни, имам объявил народу повсеместные сборы. С тех пор на плоскости Большой Чечни начали появляться крупные неприятельские партии. Несмотря на это, Н.И. Евдокимов энергично продолжал

¹ Как писал Н.И. Евдокимов, переход от имама Шамиля в российское подданство жителей нагорной части Малой Чечни повлиял и на население Большой Чечни. Имам, «...желая удержать за собою колеблющиеся умы жителей Большой Чечни, лично явился между ними; здесь, напоминая торжественно прежние успехи Чеченцев, он потребовал от них клятвы в верности... и обязал жителей круговую порукою наблюдать за людьми неблагонадежными» [10, с. 1079].

переселенческую работу в Малой Чечне, будучи обеспечен с востока отрядами, базировавшимися у аула Большой Чечен и в Аргунском ущелье. Когда переселение с гор осуществилось, Н.И. Евдокимов снова обратил взор на Большую Чечню [4].

Военно-политические события, свершившиеся в Малой Чечне, взволновали население Большой Чечни. Поэтому имам Шамиль с большим войском (по сведениям лазутчиков, свыше 10 тыс. чел., 5 орудий) спустился с нагорной части Большой Чечни и, оцепив все аулы на пространстве от р. Аргун до аула Автуры и дальше к востоку, стал переселять их жителей в горы [8; 11]. Часть плоскостных жителей Большой Чечни (2 000 чел.) добровольно примкнула к войску имама Шамиля, находившемуся в Чёрных горах между кр. Воздвиженской и укр. Шалинским [7]. Ситуация в Большой Чечне стала накаляться.

Согласно Н.А. Волконскому, вторжение войска имама Шамиля в Большую Чечню имело целью «...не только угрожать нам своею особою и своими скопищами, не только стараться возвратить переселенцев в нагорные места малой Чечни, но и достойно наказать их за вероломство и измену» [8, с. 460].

Ген.-л. Н.И. Евдокимов внимательно следил за действиями имама Шамиля. В рапорте военному министру, ген.-ад. Н.О. Сухозанету [4], командующий войсками Левого фланга докладывал о том, что в Чёрных горах, прилегающих к плоскости Большой Чечни, неприятельские сборы усилились, а укр. Шалинское противник в течение двух суток обстреливал из орудий. Военно-политическая активность имама Шамиля заставила Н.И. Евдокимова снова вплотную заняться делами в Большой Чечне.

Учитывая необустроенность малочеченцев, не успевших ещё водвориться в местах постоянного проживания, и необходимость передислокации основной части войск в Большую Чечню, ген.-л. Н.И. Евдокимов разделил Чеченский отряд на несколько частей. Два отряда, призванных оказывать помощь при водворении переселенцев и защищать их от всяких покушений неприятеля, остались в Малой Чечне. На берегу Шалажи (затем Гехи) расположился отряд полк. А.А. Баженова (9 рот пехоты, 4 сотни казаков, 4 орудия), а на р. Гелен-Гойта – отряд подп. И.Д. Мансурадзе (2 роты пехоты, 2 орудия) [10].

С остальными силами Чеченского отряда 18 апреля 1858 г. ген.-л. Евдокимов двинулся в Большую Чечню [11]. Войска рассредоточились по границам Большой Чечни с целью блокирования попыток имама Шамиля прорваться за её пределы. Главный отряд (5¹/₂ батальонов пехоты, 7 сотен, при 10 орудиях), бывший вначале под командованием полк. М.П. фон-Кауфмана, а потом полк. М.А. Кундухова, занял позицию на левом берегу Аргуна между кр. Воздвиженской и аулом Большой Чечен. Отряд этот должен был прикрывать наиболее опасное направление, по которому имам Шамиль мог прорваться на плоскость Малой Чечни. На правом берегу Аргуна, около укр. Бердыкель, расположился отряд полк. З.Н. Алтухова (3 батальона пехоты, 2 дивизиона драгун, 4 сотни, при 4 орудиях). Для защиты низовья Сунжи и станиц Гребенского

казачьего полка был создан лёгкий отряд (2 роты пехоты, 3 сотни казаков, при 2 орудиях), дислоцированный вблизи укр. Умахан-юрт. Отряд под командой полк. О.Б. Рихтера (2⁴/₅ батальона пехоты, сотня казаков, при 4 орудиях) занимался строительными работами в Аргунском ущелье. Наконец, отряд начальника Кумыкского округа флигель-адъютанта, полк., кн. Д.И. Святополк-Мирского получил приказ выдвинуться на р. Мичик и расчистить Майртупскую просеку [10].

Войска имама Шамиля занимали всё пространство Чёрных гор между реками Хулхулау, Басс и Мезеин. Кроме того, на Даргендуке находилась горская пехота (примерно 2–3 тыс. чел.). Воины имама Шамиля строили большие завалы на сделанной русскими солдатами просеке и испортили колёсную дорогу.

Имам Шамиль не распускал свои сборы, ожидая удобного случая для того, чтобы примерно наказать перешедших под покровительство России жителей Малой Чечни. Однако в апреле–мае 1858 г., в те дни, когда Чеченский отряд ген.-л. Н.И. Евдокимова противостоял войскам имама Шамиля, никаких значимых военных событий в Большой Чечне не произошло.

Неожиданные для российской власти военно-политические события разыгрались в Назрановском обществе, населённом ингушами (галгаевцами). Ингуши, в своё время добровольно ставшие подданными России, и под её покровительством переселявшиеся с гор и заселявшие плодородные предгорные равнины, имамат Шамиля не поддерживали. Более того, горская милиция, укомплектованная ингушами, участвовала в сражениях с войсками имамата, за что получила почётное Георгиевское знамя. Многие ингуши-назрановцы – милиционеры, словесные переводчики, проводники – имели боевые царские награды.

И вот в этом горском обществе, казалось бы, преданном Российскому государству, в решительный момент борьбы Чеченского отряда ген.-л. Н.И. Евдокимова с войсками имама Шамиля, внезапно вспыхнуло антирусское восстание. О том, как оно готовилось, Н.И. Евдокимов доложил в рапорте, направленном главнокомандующему Кавказской армией, ген.-ад. кн. А.И. Барятинскому [12]. Согласно рапорту, в Назрановском обществе давно уже укоренились тайные агенты имама Шамиля, тщательно скрываемые жителями, волновавшие народ и воспалявшие фанатизм. Недоброжелатели России в качестве повода для возмущения народа использовали намерение местного начальства переселить назрановцев из многочисленных мелких хуторов в новые большие аулы¹.

Взрыв возмущения ускорили два обстоятельства: желание благоразумных назрановцев, живших своими трудами и дороживших осёдлостью, добровольно

¹ В больших аулах проще было осуществлять надзор за жителями, чем в мелких хуторах, разбросанных по лесам, горам и долам. Поэтому создание больших аулов снижало уровень преступности (грабежей, разбоев).

переселиться в места, назначенные для создания больших аулов; и требование начальства к назрановским депутатам представить данные о численности населения. Пристав назрановских и карабулакских народов капитан Н.А. Федосеев принял депутации, которые потребовали запретить добровольцам поселяться в больших аулах, и выступили против распространения подобной идеи среди народа. Депутации также потребовали запретить проведение народной переписи. Кроткие увещевания пристава Н.А. Федосеева воспринимались депутатами как проявление слабости, поэтому их требования становились всё более дерзкими. Тем временем, нарушители общественного порядка, возбуждая народ, обещали скорое прибытие в Назрановское общество самого имама Шамиля, к которому несколько сот ингушей и карабулаков¹ написали воззвание с изъявлением покорности и просьбой о помощи.

Дальнейшие события и их результаты показаны в рапорте исправляющего должность начальника Штаба войск Левого Крыла Кавказской Линии полк. П.Д. Зотова [13], который утром 24 мая 1858 г. от пристава Н.А. Федосеева узнал о сильном волнении назрановского народа. В этот же день П.Д. Зотов с отрядом, наскоро собранным во Владикавказе, прибыл в укр. Назрановское. Около полудня 25 мая к приставу Н.А. Федосееву явилась депутация из 16 назрановцев (включая 4 депутатов, главных возмутителей народа). Поскольку переговоры с депутацией ни к чему не привели, пристав объявил, чтобы назрановцы выдали в установленный срок всех зачинщиков беспорядка, а до тех пор оставил у себя в заложниках главных возмутителей народа. Когда отпущенные депутаты вернулись на расположенный вблизи укрепления курган², на котором бурлил народный сход, назрановцы (4–5 тыс. чел.), направились к форштадту, а затем с гиком и выстрелами бросились на русский отряд. Неожиданное нападение было отражено. Назрановцы потеряли убитыми не менее 42 чел. Со стороны русских погибли 4 и ранены 6 нижних чинов. Кроме того, назрановцы убили случайно попавшихся им под руку людей: 2 тульских мещан и отставного солдата. Пленённых мятежниками 2 женщин (у одной из них был грудной ребёнок) отбили конвойные пристава Н.А. Федосеева. В ходе беспорядков пропали без вести 2 мальчика, выехавшие из Владикавказа в укр. Назрановское.

Как вспоминал неизвестный участник событий [9], весть о Назрановском возмущении быстро разлетелась по станицам Сунженской линии. Пехотные

¹ Карабулаки (орцхой) – в период до окончания войны на Восточном Кавказе являлись отдельным народом, родственным чеченцам и ингушам. С окончанием войны большая часть карабулаков выселилась в Турцию. Оставшиеся на родине немногочисленные карабулаки оказались на территориях, которые стали заселять чеченцы и ингуши. Соответственно, в настоящее время карабулаки, сохраняя своё этническое самосознание, официально считаются либо чеченцами, либо ингушами. Например, одни представители карабулакских тайпов цечой (цечой) и мержой считаются ингушами, а другие представители тех же тайпов – чеченцами, и т.д.

² Сборный народный курган (= Общественный сборный холм) – место сбора назрановского народа для принятия важных решений. Согласно рапорту Н.И. Евдокимова [12], 25 мая 1858 г. на этом кургане на общенародном сходе назрановцы собирались принести присягу на верность имаму Шамилю.

батальоны и роты, конные казаки из сунженских станиц форсированным маршем устремились к Назрановскому укр. Безрассудный мятеж был мгновенно подавлен. Назрановцы выдали главных его зачинщиков. По К. Дидимову [14], главных возмутителей назрановцев (знаменщика, юнкера и 2 мулл) повесили на том самом сборном кургане, на котором они возмущали народ. В меру вины каждого, были наказаны и другие возмутители назрановского народа.

Имам Шамиль, обещавший назрановцам помощь, увеличил свои сборы за счёт вступления в войско жителей высокогорных обществ Дагестана (аварцев, андийцев, лезгин и др.), и в начале июня покинул Большую Чечню. Перейдя через Шаро-и Чанты-Аргун, под выстрелами из укр. Аргунского, имам со своим многочисленным войском исчез в лесах нагорной части Малой Чечни.

Поскольку ген.-л. Н.И. Евдокимов знал, что контакты назрановцев с имамом Шамилём не прервались, а в соседнее с ними Галашевское общество имам направил 3 своих наибов, командующий Чеченским отрядом вынужден был отвлечься и от дел в Большой Чечне, и, тем более, от плана по открытию боевых действий в ущелье Чанты-Аргуна, по направлению к аулу Гакко. В Назрановское общество Н.И. Евдокимов направил часть войск из Чечни [12].

Выступив с позиции на Аргуне, войска ген.-л. Н.И. Евдокимова пересекли плоскость Малой Чечни [15; 16]. Пройдя с войсками через всю Малую Чечню, Н.И. Евдокимов лично убедился в том, что чеченцы не участвовали в Назрановском бунте, а деятельно занимались хозяйственными делами. Имам Шамиль, прибывший 8 июня 1858 г. с огромным сбором (до 8 тыс. чел.) пеших и конных воинов на Гойту, не смог привлечь на свою сторону недавно принявших русское подданство жителей Малой Чечни. Не получив поддержки гойтинцев, имам отвёл своё войско к Чёрным горам, из-за угрозы, исходившей от отряда подп. П.Г. Беллика (2 батальона пехоты, 4 сотни казаков и горской милиции, при 4 пеших и 2 конных орудиях). Отряд П.Г. Беллика базировался недалеко от р. Гойты, в ауле Урус-Мартан, и мог стремительным броском отрезать имамское войско от гор. Кроме того, отряд полк. М.И. Черткова перешёл из Аргунского ущелья на Энгелик и тоже угрожал окружением [16].

Ген.-л. Н.И. Евдокимов разделил вверенные ему войска на отдельные отряды и разместил их таким образом, чтобы закрыть имаму Шамилю все основные выходы с Чёрных гор на плоскость. Летучий отряд полк. З.Н. Алтухова (2 батальона пехоты, рота 20-го стрелкового батальона, 2 дивизиона Нижегородского драгунского полка¹, 2 сотни 2-го Сунженского казачьего полка, при 4 батарейных и 2 конно-казачьих орудиях) расположился близ станицы Ассинской. Отряд этот должен был закрыть неприятелю доступ в Малую Чечню и на Сунженскую линию [7], и при необходимости, перейти к аулу

¹ Один дивизион нижегородских драгун вскоре заменили дивизионом Северского драгунского полка [15].

Ачхой [15]. На границе Галашевского общества, на хребте Сейвендук, разделяющем ущелья Ассы и Сунжи, занял позиции отряд полк. М.П. фон-Кауфмана (3 батальона пехоты, рота 20-го стрелкового батальона, дивизион орудий лёгкой батареи). Летучий кавалерийский отряд (7 сотен казаков, сотня горской милиции, при 4 конных орудиях) под начальством полк. В.Е. Шостака был дислоцирован на р. Камбилеевка. Наконец, отряд полк. А.А. Баженова (1^{3/4} батальона пехоты, при 2 горных орудиях) расположился в Тарской долине. Отряды М.П. фон-Кауфмана, В.Е. Шостака¹ и А.А. Баженова получили приказ перекрыть неприятелю все доступы к Военно-Грузинской дороге, кр. Владикавказ, в Осетию и Назрановское общество. Распредоточив войска на главных стратегических направлениях, Н.И. Евдокимов из Владикавказа стал осуществлять оперативное руководство войсками на открывающемся театре военных действий [7; 15].

Войско имама Шамиля, пройдя по подножию Чёрных гор, прибыло в междуречье Ачхой – Нетхой. Имам собирался овладеть аулом Ачхой, взять в нём заложников и, опираясь на этот аул, проводить наступательные действия в Назрановском и Галашевском обществах. Однако полк. З.Н. Алтухов, своевременно обнаруживший движение войска имама, преградил ему дорогу к Ачхой [15]. В результате 9 июня 1858 г. под Ачхоем произошёл блистательный для Чеченского отряда ген.-л. Н.И. Евдокимова кавалерийский бой². Нижегородские и северские драгуны вместе с сунженскими казаками, ведомые полк. М.П. Никорицей, поддержанные удачными действиями артиллерии и пехоты отряда З.Н. Алтухова, остановили рейд многочисленной горской конницы имама Шамиля, нанесли ей значительный урон и обратили в бегство.

Однако побеждённое под Ачхоем, но не сломленное шамилевское войско 10 июня 1858 г. сделало в горах неожиданный маневр. Сначала имам Шамиль отступил к карабулакскому аулу Даттых, а оттуда направился к другому карабулакскому аулу Галашки, расположенному в долине р. Асса. Войдя по долине этой реки вглубь территории Галашевского общества, войско имама Шамиля 11 июня расположилось в карабулакских аулах Мужичи и Алкун [7; 16].

Ген.-л. Н.И. Евдокимов, не ожидавший от имама Шамиля столь внезапного и решительного движения, отдал срочные распоряжения. Отряду полк. З.Н. Алтухова предписывалось соединиться с отрядом полк. М.П. фон-Кауфмана на Сейвендуке. Полк. М.И. Чертков с частью своего отряда должен был занять позицию у поста Нестеровского, находившегося у места выхода долины Ассы на плоскость. Форсированным маршем во Владикавказ выдвинулись 2 сотни Алагирской и Куртатинской милиции, 2 сотни Осетинской конной и 2 сотни

¹ В рапорте полк. П.Д. Зотова [16] приведены другие данные о численности и составе не только отрядов М.П. фон-Кауфмана и В.Е. Шостака, но и отрядов П.Г. Беллика и З.Н. Алтухова.

² Н.А. Волконский [7] на страницах 463–465 приводит подробное описание Ачхойского боя.

Осетинской пешей милиции и 2 сотни Горского казачьего полка [16]. Часть горской милиции и 2 сотни Горского казачьего полка были переброшены в отряд под начальством полк. М.И. Черткова [7].

Имам Шамиль, находившийся в Алкуне, 13 июня 1858 г. направил отряд (1,5 тыс. конных и пешая партия наиба Батоки) под командованием своего сына наиба Кази-Магомы вниз по Аки-Юртовскому ущелью на плоскость. Горский отряд стал лагерем на берегу Сунжи. Всю ночь горцы провели в лесу, производя разведки и рекогносцировки. Узнав об этом движении неприятеля, ген.-л. Н.И. Евдокимов срочно усилил кавалерийский отряд полк. В.Е. Шостака, стоявший на Камбилеевке, пехотным батальоном при 2 пеших орудиях [7; 16].

Горцы, убедившись в том, что все «лазейки» на плоскость хорошо охраняются, а попытка прорыва на плоскость может закончиться их окружением, ни с чем вернулись на Ассу. Между тем, имам Шамиль, пославший в разные места Осетии до 20 своих лучших мюридов для склонения осетин к возмущению против русских, успеха не добился. Как сообщил Н.А. Волконский [7], осетины не увидели никакой пользы для себя от взаимодействия с имамом.

Потерпев неудачу с попытками прорваться на плоскость и возмутить против России осетин, имам Шамиль решился на отступление в горы Чечни. Тем более что небольшое Галашевское общество было не в состоянии длительно продовольствовать его огромный сбор. В обратный путь войско имама Шамиля отправилось 15 июня 1858 г. Одна часть войска проследовала через Мереджи, а другая часть – через Даттых. Пройдя Аккинское и Шатоевское общества, имам Шамиль прибыл в Ведено, распустив по пути часть своего сбора [16].

Русские войска «проводжали» имама Шамиля при его обратном движении, продвигаясь вдоль подошвы Чёрных гор и, на всякий случай, прикрывая плоскость Малой Чечни. С уходом имама Шамиля «...вся малая Чечня вздохнула свободно – в особенности переселенцы, которые пуше всего боялись кары своего бывшего владыки. Новые аулы быстро начали отстраиваться и укрепляться; поля засеялись и затем, вскоре обильные всходы дали почувствовать нашим новым подданным, что под владычеством и покровительством русских живется и лучше, и уютнее, и безбеднее» [7, с. 467].

Действия ген.-л. Н.И. Евдокимова в апреле–июне 1858 г. в Чечне, Назрановском и Галашевском обществах значительно упрочили стратегическое положение войск Левого фланга Кавказской линии. Произошло бескровное умиротворение населения нагорной части Малой Чечни. В Большой Чечне, Назрановском и Галашевском обществах войска получили богатый опыт по блокированию территорий (особенно входов в горные ущелья) от вторжения отрядов имама Шамиля. На всех театрах военных действий Н.И. Евдокимов достиг успеха почти без потерь личного состава. Командующий войсками Левого фланга получил, наконец, возможность приступить к давно задуманной экспедиции в Чанты-Аргунское ущелье – в Шатоевское наибство имамата Шамиля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 2. Взятие Аргунского ущелья (зимняя экспедиция 1858 г.) / А. А. Головлёв. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2. – С. 43–62.
2. Журнал военных действий и занятий Чеченского отряда с 21-го марта по 2-е апреля 1858 года, представленный командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Н.И. Евдокимовым, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, при рапорте, от 2-го апреля 1858 года, № 223. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1075–1076.
3. Ореус, И. И. Граф Николай Иванович Евдокимов. 1804–1873 / И. И. Ореус. – Текст : непосредственный // Русская старина. – 1889. – № 5. – С. 357–387.
4. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 19-го апреля 1858 года, № 251. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1076–1078.
5. Казбек, Г. Н. Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834–1861 г. Очерк истории 79-го пехотного Куринского Его Императорского Высочества Великого князя Павла Александровича полка / Г. Н. Казбек. – Тифлис : Тип. А. А. Михельсона, 1885. – 535 с. – Текст : непосредственный.
6. Зиссерман, А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. I / А. Л. Зиссерман. – С.-Петербург : Типография В. Грацианского, 1881. – 498 с. – Текст : непосредственный.
7. Волконский, Н. А. 1858 год в Чечне / Н. А. Волконский. – Текст : непосредственный // Кавказский сборник. – 1879. – Т. III. – С. 377–591.
8. Дидимов, К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15 января по 18 апреля 1858 года / К. Дидимов. – Текст : непосредственный // Военный сборник. – 1859. – Т. VII. – Отд. II. – С. 89–112.
9. А. О. Лето в Чечне в 1858 году / А. О. – Текст : непосредственный // Военный сборник. – 1863. – Т. XXXIV. – № 12 (декабрь). – Отд. II. – С. 427–466.
10. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, военному министру, ген.-адъют. Сухозанету, от 12-го мая 1858 года, № 453. – Кр. Грозная. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1078–1080.
11. Очерк военных действий на Кавказе за 1858 год. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1859. – Т. СXXXII. – № 1 (январь). – Отд. IV. – С. 3–17.
12. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, главнокомандующему Кавказской Армией, ген.-адъют. кн. Барятинскому, от 27-го мая 1858 года, № 1895. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1082–1083.

13. Рапорт и. д. начальника Штаба войск Левого Крыла Кавказской Линии, полк. Зотова, командующему сими войсками, ген.-л. Евдокимову, от 26-го мая 1858 года, № 296. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1081–1082.

14. Дидимов, К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье с 1-го июля по 19-е августа 1858 года / К. Дидимов. – Текст : непосредственный // Военный сборник. – 1859. – Т. VIII. – Отд. II. – С. 255–284.

15. Рапорт командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Евдокимова, ген.-адъют. кн. Барятинскому, от 10-го июня 1858 года, № 775. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1084–1085.

16. Рапорт, за отсутствием командующего войсками Левого Крыла Кавказской Линии, и. д. начальника Штаба сих войск, полк. Зотова, к управляющему Военным Министерством, ген.-адъют. кн. Васильчикову, от 23-го июня 1858 года, № 1026. – Кр. Владикавказ. – Текст : непосредственный // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Т. 12: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. 1856–1862. – Тифлис, 1904. – С. 1086–1087.

REFERENCES

1. Golovlyov A.A. General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 2. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2021, No. 2, pp. 43–62. (In Russian).

2. The Journal of military operations and activities of the Chechen detachment from 21 March to 2 April 1858, No. 223. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1075–1076. (In Russian).

3. Oreus I. I. Count Nikolaj Ivanovich Evdokimov. 1804–1873. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1889, No. 5, pp. 357–387. (In Russian).

4. Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 251. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1076–1078. (In Russian).

5. Kazbek G.N. *Kurinty v Chechne i Dagestane. 1834–1861 g. Ocherk istorii 79-go pekhotnogo Kurinskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo knyazya Pavla Aleksandrovicha polka* [Kurinty in Chechnya and Dagestan. 1834–1861. Essay on the History of the 79th Kurinty Infantry Regiment of His Imperial Highness Grand Duke Pavel Alexandrovich]. Tiflis, 1885. 535 p.

6. Zisserman A.L. *Istoriya 80-go pekhotnogo Kabardinskogo general-fel'dmarshala knyazya Baryatinskogo polka (1726–1880)* [The History of the 80th Kabardian Infantry General-Fieldmarschal Prince Baryatinsky Regiment (1726–1880)]. SPb., Printing House of V. Gratsiansky, 1881, vol. I. 498 p.

7. Volkonskiy N.A. 1858 in Chechnya. *Kavkazskij sbornik = Caucasian Collection*, 1879, vol. III, pp. 377–591. (In Russian).

8. Didimov K. Expedition to the Argun Gorge from January 15 to April 18, 1858. *Voennyj sbornik = Military Collection*, 1859, vol. VII, sect. II, pp. 89–112. (In Russian).

9. Summer in Chechnya in 1858. *Voennyj sbornik = Military Collection*, 1863, vol. XXXIV, No. 12, sect. II, pp. 427–466. (In Russian).

10. Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 453. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1078–1080. (In Russian).

11. An outline of military operations in the Caucasus in 1858. *Otechestvennye zapiski = Domestic Notes*, 1859, vol. CXXII, No. 1, sect. IV, pp. 3–17. (In Russian).

12. Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 1895]. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1082–1083. (In Russian).

13. Report of the acting Chief of Staff of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line, Colonel Zotov, No. 296. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiy = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1081–1082. (In Russian).

14. Didimov K. Expedition to the Chanty-Argun Gorge from July 1 to August 19, 1858. *Voennyj sbornik = Military Collection*, 1859, vol. VIII, sect. II, pp. 255–284. (In Russian).

15. Report of the Commander of the Left Wing of the Caucasian Line General Evdokimov, No. 775. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1084–1085. (In Russian).

16. Report, in the absence of the commander of the troops of the Left Wing of the Caucasian Line, acting as the chief of Staff of these troops, Colonel Zotov, No. 1026. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiey = Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Tiflis, 1904, vol. 12, pp. 1086–1087. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Головлёв, А. А. Генерал Николай Иванович Евдокимов и Чечня. Часть 3. Военно-политические события в Малой и Большой Чечне, Назрановском и Галашевском обществах (апрель–июнь 1858 г.) / А. А. Головлёв. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 27–43.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Golovlyov A. A. General Nikolay Ivanovich Evdokimov and Chechnya. Part 3. Military and Political Events in Malaya and Bolshaya Chechnya, Nazranovskoe and Galashevskoe Societies (April–June 1858) / A. A. Golovlyov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 27–43. (In Russian).

УДК 93

ЕЩЕ РАЗ О СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ФРОНТИРЕ

С.Л. Дударев

ONCE AGAIN ON THE NORTH CAUCASUS FRONTIER

S.L. Dudarev

Аннотация. В статье рассматривается сегодняшнее понимание концепции фронта, предложенной в свое время американским историком Ф.Дж. Тёрнером. Сегодня она приобрела довольно широкую популярность в российской исторической науке. Большое внимание к ней проявляют ученые, изучающие историю Северного Кавказа. Теория фронта все больше находит себе место в теоретическом инструментарии историков-кавказоведов. В настоящее время предложен целый ряд вариантов понимания термина «фронт» применительно к истории нашего региона. В то же время, не все специалисты расценивают его потенциал, как позитивный. При всей эвристической полезности указанной концепции, она не должна абсолютизироваться и превращаться в «универсальную отмычку» для понимания исторической действительности. «Фронтальный» взгляд вполне применим для северокавказских реалий, но он должен корректироваться другими теоретическими разработками, отражающими исконно отечественные взгляды на существо исторических процессов в нашем регионе. Но самое главное – применяемые историками концепции должны работать на укрепление целостности российского Кавказа и конструктивных отношений между его народами, которые должны иметь взвешенные представления о своем прошлом, лишённые как установок на многовековое перманентное противостояние, так и приукрашивания исторической действительности.

Abstract. The article examines the current understanding of the concept of the frontier proposed at the time by an American historian F.J. Turner. Nowadays, it has become quite popular in Russian historical science. Scientists studying the history of the North Caucasus pay much attention to it. The theory of the frontier is looking for its place in the theoretical toolkit of historians of the Caucasus. At present, a number of options have been proposed to understand the term "frontier" in relation to the history of our region. At the same time, not all specialists regard its potential as positive. For all the heuristic usefulness of this concept, it should not be absolutized and turned into a "universal master key" for understanding historical reality. The "frontal" view is quite applicable to the North Caucasian realities but it should be corrected by other theoretical developments reflecting the primordially domestic views on the essence of historical processes in our region. But the most important thing is that the concepts used by historians should work to strengthen the integrity of the Russian Caucasus and constructive relations between its peoples, which should have balanced ideas about their past, devoid of both attitudes towards centuries-old permanent confrontation, and embellishment of historical reality.

Ключевые слова: фронт, постфронт, ретрофронт, неопределённость, иммунитет, российскость, совместничество = соперничество.

Keywords: frontier, post-frontier, retrofront, uncertainty, immunity, "Russianness", sovmetnichestvo = rivalry.

Где чары южной ночи синей?
Лишь звезд, как выстрелов, не счесть.
Тут начинается Россия.
Или кончается? Бог весть.

Н. Зиновьев.

Тема «фронтра» в новейшей российской историографии занимает все более заметное место. Мы не станем обращаться к ней в целом, но коснемся прежде всего того ее сегмента, который касается Кавказа, особенно Северного. Здесь мы наблюдаем заметное движение, которое стало весьма динамичным в 2000–2010-е гг. Когда в 2014 г. мы с Ю.Ю. Клычниковым опубликовали небольшую книгу по проблемам северокавказского города [1], то привели в ней 13 известных нам версий того, как понимается дефиниция «фронтр» в американском, сибирском, северокавказском контекстах теми или иными историками [1, с. 8–11]. Но жизнь, разумеется, не стояла на месте. В самое ближайшее время в северокавказской историографии появились новые работы по указанной проблематике. Вышла небольшая, но интересная статья Л.М. Ивановой, в которой были проанализированы новые исследования по кавказскому фронтру, уточняющие как суть понятия, так и динамику его развития во времени [2]. Среди них оказалась и кандидатская диссертация Е.Г. Берберовой, первая в своем роде, посвященная особенностям северокавказского фронтра, что указывало на стремление историков-кавказоведов глубже разобраться в интересующем нас феномене [3]. Еще одна обобщающая монографическая работа, появившаяся параллельно с работой Е.Г. Берберовой – книга О.В. Матвеева, где фронтр является лейтмотивом, определяющим характер шедших во время т. н. Кавказской войны историко-культурных, социополитических и иных процессов, освещаемых в антропологическом измерении [4]. Однако наиболее развернутый историографический обзор, касающийся проблем фронтра, был опубликован совсем недавно, в 2020 г. Д.В. Сенем [5]. Задачей данной статьи является определение некоторых главных тенденций в понимании фронтра в современной исторической литературе, для определения возможных дальнейших попыток осмысления значения указанного концепта для развития исторических исследований в нашем регионе.

Для этого вначале вернемся вновь к упомянутой работе О.В. Матвеева. В рецензии на нее Л.Р. Хут и А.К. Чеучева, обсуждая правомерность применения в этой монографии фронтрного ракурса [6], напомнили коллегам о том, что, хотя, по мнению создателя концепции фронтра Ф.Дж. Тёрнера фронтр, – это «место контакта дикости и цивилизации» [7, с. 14], тем не менее он утверждал, что самым важным влиянием фронтра оказалось его содействие развитию демократии и в Америке и в Европе [7, с. 34]. Понятно, что когда речь заходит об этой последней дефиниции, то применительно к реалиям Северного Кавказа она и до сих пор является эфемерной, что уже тогда говорить о более ранних временах. Тем не менее не нужно забывать, что Тёрнер, характеризуя

американский фронтир, пишет о вещах, которые находят ясный отзвук в восприятии кавказоведа, а именно: американские колонисты испытывали очень сильное влияние «дикой местности». Они меняли свою одежду и обувь на индейские, строили себе такие же хижины, как у индейцев, также пахали землю заостренной палкой и сеяли кукурузу и т. п., меняясь вплоть до того, что издавали боевые кличи и снимали скальпы, как это делали аборигены [7, с. 15]. Такому же мощному воздействию подвергались и россияне, оказавшись на Северном Кавказе, ярким примером чего могут служить казаки, особенно терско-гребенские, впитавшие многое из культуры горцев, и имевшие с ними этнические связи [8], а также Отдельный Кавказский корпус российской армии, военнослужащие которого заимствовали обычаи горцев, иногда вплоть до самых одиозных, так что превратились, в конечном счете, в своеобразную субэтническую группу [9, с. 378–379].

Таким образом, Ф. Дж. Тёрнер, хотел он того или нет, но дал своего рода клише описания культурно-исторического облика «фронтирмена», вступающего в тесные контакты с носителями других культурных традиций, где бы тот ни находился: в прериях американского Запада, сибирской тайге, или горах Кавказа. Поэтому, безотносительно вопроса о связи американского фронта с демократией в США (кстати, сам же Тёрнер писал о том, что специфическая демократия фронта ушла вместе с условиями, которые ее породили, хотя демократические устремления остались) [7, с. 138]) определенные параметры повседневного быта жителей американского фронта стали ориентиром для исследователей облика жителей «контактных» зон в разных странах мира. Другое дело, и в этом Л.Р. Хут и А.К. Чеучева, полагаем, правы, что когда О.В. Матвеев (и, в принципе, кто угодно другой, обращающийся к подобной проблематике) пишет, что фронтир – это контактное пограничное пространство с большими возможностями общения и восприятия друг друга, то прибегать к самой этой дефиниции, «кодирующей» указанное описание, совсем не обязательно. Иными словами, своеобразная мода на применение обсуждаемого термина, по мнению указанных исследовательниц, далеко не всегда оправданна. И этот подход заслуживает понимания. В то же время уважаемые коллеги, по-видимому, не приняли во внимание уже довольно давнее высказывание Томаса М. Барретта о том, что указанная выше прямая связь тернеровского фронта и демократии уже отвергнута в историографии [10].

Но, как бы то ни было, во «фронтирной» терминологии есть и свое определенное оправдание. Тот же Барретт правомерно указывает на то, что историки, отказавшиеся от жесткого детерминирования американской демократии фронтирной ситуацией (и, полагаем, слепого переноса, этого тезиса на другие исторические ситуации) пишут о более сложном процессе взаимодействия между собой людей различных рас, этносов и т. д., в котором переплелись и культурные контакты, и фактор воздействия на окружающую среду (и, добавим, воздействия среды на человека), мифотворчество и т. п. [10]. Таким образом,

произошла «демонополизация» фронта учеными тех стран, которые имели иные особенности движения по путям истории, нежели белые поселенцы в Северной Америке, но сталкивались с близкими последним вариантами взаимодействия людей в сходной географической, историко-культурной, этнополитической и т. п. сферах.

В то же время не будем забывать о том, что ряд отечественных ученых видели и видят опасности, кроющиеся в данной теории (такое отношение к фронтиру Д.В. Сень оценивает как несколько запоздалое) [5]. Так, наш учитель В.Б. Виноградов в своих устных выступлениях был крайне отрицательно настроен к идее фронта, видя в ней потенциал перманентной враждебности между участниками исторического диалога на Кавказе. И как было его не понять, если сам же Тёрнер писал, что самая глубинная суть американского фронта состоит в том, что эта географическая полоса отражает экспансионистскую энергию народа, стоящего на ней, и увлекает к новым завоеваниям [7, с. 52]. «Экспансионизм» и «завоевание» – это те понятия, против употребления которых применительно к российской политике на Кавказе, ученый буквально восставал во впечатляющей серии своих работ по истории русско-северокавказских отношений, а также таком резонансном проекте с драматической судьбой, как концепция «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России» [11, с. 167–225; 12; 13]¹. Негативный контекст «фронтирности» нашел свое выражение в выступлении его ученика Ю.В. Приймака, который писал, что фронт – это лазейка, призванная обосновать преимущественно конфронтационный характер процесса формирования российского Северного Кавказа для тех, кто не хочет признавать многовековое северокавказское сотрудничество. Ю.В. Приймак считает теорию фронта полезной для осмысления механизма противодействия российской и северокавказской социокультурных систем попыткам вбить клин в их исторически обусловленную интеграцию [14, с. 321]. Практически то же самое видим в исследовании Е.Г. Берберовой, в котором, как пишет Д.В. Сень, концепция «фронта» необоснованно уподобляется «фронту». Специалист, как отмечено этим ученым, сравнила границу с «линией границы», «приграничным противостоянием» и, что показательно, с нетерпимостью, которая якобы присуща границе [5]. Не будем скрывать, что и мы сами на протяжении ряда лет негативно относились к теории фронта, что, например, получило отражение в нашей рецензии на нашумевшее пособие 2007 г. по истории Северного Кавказа. Причина этого заключалась в том, что по логике авторов пособия, сетовавших на то, что указанная теория недостаточно вошла в обиход российских историков, еще в начале XX в. Северный Кавказ все еще оставался фронтиром [15]. В то же время географически он исчерпался, по существу, по окончанию «Кавказской войны», что уже давно признано учеными (Э.А. Шеуджен и др.). Возникал вопрос – что же, в таком случае, Северный

¹ Недаром некоторые коллеги, например ногайский ученый Р.Х. Керейтов и адыгейская исследовательница С.Д. Шаова, называли коллектив В.Б. Виноградова «Школой дружбы народов» [4, с. 33].

Кавказ – это «вечный фронтир»? По сути, это могло, например, означать, что, скажем, та же Чечня стала российской только после окончания двух войн 1990-х – начала 2000-х гг., с чем трудно было согласиться.

Однако имеется возможность определенным образом устранить имеющиеся противоречия в восприятии тех или иных событий на Северном Кавказе в историческом прошлом или сегодня, если мы будем руководствоваться одним из подходов к оценке сути фронтира, распространённых среди сторонников этой дефиниции.

Еще Т.М. Барретт писал о *крайней неопределенности* этнической границы между русскими и горцами [10]. О фронтире, как пространстве неопределённости, пишет и Е.Г. Берберова, ссылаясь на мнения других исследователей [3, с. 3], которые приводили и мы с Ю.Ю. Клычниковым [1, с. 9]. В этом подходе заложен глубокий смысл, суть которого демонстрирует не только историческая действительность XVIII–XIX вв. на Северном Кавказе, репрезентативно рассмотренная, например, тем же Барреттом, но и факты новейшей российской истории.

В науке, как будто, нет места лирике, но это для кого угодно, кроме представителей Школы В.Б. Виноградова. В начале данной статьи мы привели в качестве эпиграфа стихи замечательного русского поэта Н. Зиновьева. Они, как ничто другое в области поэзии, отражают сущность крайней неопределенности российского фронтира на Кавказе. Впрочем, еще один, не самый худший, интуитивный, образ фронтира, еще не осознанный в тот момент до конца, родился у нас в процессе работы над автобиографической книгой «Это было недавно, это было давно...». Касаясь судеб упомянутой выше концепции «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России» мы писали: «Никто тогда (т. е. в позднесоветский период. – Авт.) до конца всё же не мог понять, что это научное творчество и его организационно-политическое воплощение происходили, образно говоря, **на склонах дремлющего вулкана**» (выделено нами. – Авт.) [16, с. 231]. Как ни парадоксально, но подобные «фронтирные мотивы» подсознательно присутствовали и у самого В.Б. Виноградова. Еще в первой половине 1980-х гг. он однажды в нашем присутствии произнёс оказавшиеся пророческими слова: «Вот пойдут враги с автоматами по городу...» [17, с. 405]. Вскоре так и произошло... Иными словами, внешние благополучие, спокойствие, уверенность в завтрашнем дне жителей «предвоенной», советской, Чечено-Ингушетии – на самом деле не отражали «тектонических разломов», которые были глубоко скрыты от множества глаз современников. Возникает вопрос: скрыты где? Ведь территориально фронтира не было к тому времени уже свыше 100 лет, и присущая ему «неопределенность», была, как будто, исчерпана. Однако, когда роковой август 1991 г. привел к разрушению Советского Союза, то массы русских и «русскоязычных» на «бывшем» северокавказском фронтире, особенно, в Чечне, оказались беззащитны перед губительной бурей «перестроечных» процессов, и превратились в «унесенных ветром» беженцев, либо в заложников, или в рабов. Недавняя «стабильность» в одночасье рухнула.

Возможно, не обошлось и без воздействия внешних сил. Как здесь не вспомнить высказывание американского политолога П. Гобла, который цинично утверждал, что стабильность не входит в число кавказских ценностей, и здесь ее «никогда не было и, даст Бог, не будет» – Кавказ с его этнической мозаичностью был-де нестабилен всегда [18, с. 188].

Впрочем, окончание конфликта в Чечне не привело к радикальному улучшению положения этнических «некавказцев». В северокавказском регионе идет активная дерусификация, которая уже стала свершившимся фактом [18, с. 115–117; 21, с. 288–289]. Она является одним из важнейших факторов того, что, как выражаются некоторые политологи, Северный Кавказ медленно отчаливает от Российской Федерации.

Понять причины возрождения обстановки фронта помогают недавние разработки Ю.Ю. Клычникова, который убедительно показал, что «неопределённость» имеет корни в культурно-исторической сфере горских народов, особенно в их ментальности, для которой присуща героизация как набеговой деятельности горцев, трактуемой как форма национально-освободительной борьбы против самодержавия. Она воспевается в целом ряде научных и публицистических произведений. При этом настойчиво муссируется тема «геноцида» горских народов в период «Кавказской войны» и т. д. А все вместе это работает на сохранение и пропаганду маскулинных ценностей, которые являются смыслообразующими для социумов автохтонных народов [18; 19; 20]. Более того, если ухудшится геополитическое положение России, указывает Ю.Ю. Клычников, то это может быть чревато новым вооруженным выступлением и выходом Чечни из состава РФ [20, с. 289]. В разрезе этих и других реалий небесполезно обратить внимание на исследование А.П. Романовой и М.С. Топчиева «Кавказ как вечный фронт» [21]. Среди выделяемых этими авторами хронологических модификаций и форм фронтов выделяются несколько этапов фронта на Кавказе, в том числе третий – этап постфронта.

Он, по существу, сигнализирует нам о том, что в самом феномене пограничья, контактной зоны и т. п., лежащих в основе явления фронта, существуют, как известно, блоки, наделенные так называемой «иммунностью», которые трудновосприимчивы к внешним воздействиям, и сохраняют традиционные черты этнокультурной среды, нацеленной на воспроизводство архаики. Именно они, надо полагать, и не позволяют, как выразились А.П. Романова и М.С. Топчиев, совершить на третьем этапе «внутренний пересмотр» ситуации фронта. Специалисты употребляют еще и термин «ретрофронт», по существу, синонимичный «постфронту». Показательно, что именно на этой стадии, охватывающей всего несколько регионов Кавказа, в том числе, Чечню (где имеет место, по мысли авторов, чеченский фронт), происходит возврат к конфронтации, появление новой мифологии и т. д., и как следствие этого, возникают новые войны. Практически, их взгляды подтверждаются выводами Ю.Ю. Клычникова. Разумеется, подрыв обстановки в северокавказском регионе связан также и с деятельностью фундаменталистских и террористических

сил, действовавших на ситуацию извне [23]. Невозможно сбрасывать со счетов не только упомянутые выше внутренние социальные факторы, но и также рост недовольства местного населения безудержной коррупцией, разгулом клановости, и социальной несправедливостью. Ученых тревожит и то, что происходит ослабление общероссийской идентичности, утрата чувства общности судеб различных народов, рост взаимного отчуждения и т. п., что может привести к самым негативным последствиям [18, с. 185; 24, с. 46–49].

В заключение данной статьи необходимо остановиться на том, нет ли кардинальных, непреодолимых, противоречий между «фронтирным» осмыслением северокавказской истории и концепцией российскости, выдвинутой Кавказоведческой Школой В.Б. Виноградова в начале 1990-х гг. [25]. Ведь, говоря откровенно, мнение об их несовместимости лежало в основе отрицания В.Б. Виноградовым теории фронта. Между тем, если мы обратимся к такому знаковому отрезку северокавказской истории как «Кавказская война», то окажется, что антагонизм между этими подходами является, во многом, условным. Ведь еще у Т.М. Барретта есть весьма важное заявление о том, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание. Это был и процесс образования фронта, для исследования которого ученый рекомендовал, в частности, изучить взаимоотношения соседей не только во время военных действий, но и в повседневной жизни [10]. И для «чистоты эксперимента» не будем касаться разработок наших коллег по Кавказоведческой Школе, но обратимся к тому, что писали такие высококомпетентные ученые, как В.В. Дегоев, а также О.В. Матвеев о «Кавказской войне». Нет смысла вновь полностью цитировать их работы, тем более что это уже делалось нами ранее. Укажем на то, что с одной стороны, В.В. Дегоевым территория, охваченная «Кавказской войной» (у него без кавычек), была огромной контактно-цивилизационной зоной, где шли не только военные столкновения, но и шли всевозможные интенсивные хозяйственные, торговые, культурные и т. д. отношения, шел ослаблявший вражду процесс взаимопознания, взаимовлияния, взаимооттягивания народов [26, с. 332–333]. С другой стороны, рассуждая о «Кавказской войне» (также безо всяких оговорок по поводу этого названия) в формате «контактной зоны», О.В. Матвеев указывает, что в реалиях этой войны подобные зоны отражают не только трагическую двойственность мировосприятия людей, живших в условиях сразу двух непохожих культур, но и являются связующим звеном в общении России и Кавказа, «постепенно превращающего разлом цивилизаций в срастающийся шов» [4]. Все эти рассуждения чрезвычайно близки дискурсу «российскости». Но возникает вопрос: а как же с «неопределённостью»? Не решая этого вопроса в статье ограниченного формата, укажем на такую черту «российскости», как совместничество = соперничество. Оно исторически вершилось вначале на Кавказе, отражением чего, в частности и были указанные военные события, но происходит и ныне, когда диаспоры кавказцев живут по всей территории Российской Федерации, охватив огромные просторы $\frac{1}{8}$ части земной суши.

Северокавказский «фронт», практически, шагнул в Большую Россию, вызвав ряд известных обострений и конфликтов [24, с. 29–49]. Предотвращение их, налаживание конструктивного диалога между кавказцами и другими россиянами должны быть результатом продуманной кавказской политики, а также новых концептуальных решений национального вопроса в России [27]. Но всего этого пока нет, либо оно осело в тиши чиновных кабинетов. Между тем, ситуация давно требует решительных действий [26, с. 340; 28], порождая опасность возникновения ситуации «точки невозврата». Конечно, при всех проблемах и противоречиях, интеграция Северного Кавказа и Большой России уже неоднократно подвергалась серьезным испытаниям. Так было в годы первой и второй мировой войны, войны гражданской. И российский Кавказ, спаянный имперской идентичностью различных модификаций, устоял. Показательно одно полусутоливое высказывание, получившее хождение в Дагестане, который-мол, добровольно в состав России не входил, и добровольно из нее не выйдет. Однако россиянам и российской власти невозможно найти путь к спасению, если не будет опоры на нравственный императив [28, с. 81]. Между тем, эта сторона нашей духовной жизни все больше разрушается. Демонстративное благочестие, реализуемое в масштабном культовом строительстве, не в состоянии заслонить каждодневную пропаганду насилия, пошлости, потребительства и безыдейщины с экранов ТВ, разрушающую души подрастающего поколения.

Все, сказанное выше, указывает на то, что не может быть раз навсегда устоявшихся научных концептов, подходов к ним и тех или иных их оценок. Они должны модифицироваться в новых исторических условиях, между ними необходимо находить точки соприкосновения для поиска наиболее конструктивных решений научных проблем. Теория фронта все больше находит себе место в теоретическом инструментарии историков-кавказоведов. При всей ее полезности, она не должна абсолютизироваться и превращаться в «универсальную отмычку» для понимания исторической действительности. «Фронтальный» взгляд вполне применим для северокавказских реалий, но он должен корректироваться другими теоретическими разработками, отражающими исконно отечественные взгляды на существо исторических процессов в нашем регионе. Но самое главное – применяемые историками концепции должны работать на укрепление целостности российского Кавказа и конструктивных отношений между его народами, которые должны иметь взвешенные представления о своем прошлом, лишены как установок на многовековое перманентное противостояние, так и приукрашивания исторической действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дударев, С. Л. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / С. Л. Дударев, Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск : ПГЛУ, 2014. – 73 с. – Текст : непосредственный.

2. Иванова, Л. М. Кавказский фронт в современной российской историографии / Л. М. Иванова. – Текст : непосредственный // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 9. – Краснодар, 2016. – С. 49–55.
3. Берберова, Е. Г. Особенности северокавказского фронта российской империи (1722–1864 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Г. Берберова. – Владикавказ, 2014. – 22 с. – URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556278?page=3&rotate=0&theme=white> [дата обращения: 03.08.2021]. – Текст : электронный.
4. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру : историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар, 2015. – 272 с. – Текст : непосредственный.
5. Sen' D. V. Frontier Research in Present-Day Russia: Shaky Boundaries of the Academic Dialogue [Фронтирные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога] / D. V. Sen'. – Текст : электронный // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2020. – № 1. – С. 66–80. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.104> [дата обращения: 03.08.2021].
6. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру : историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар : Эдви, 2015. – 272 с. – Текст : непосредственный.
7. Тёрнер, Ф. Дж. Фронт в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер. – М. : Весь мир, 2009. – 304 с. – Текст : непосредственный.
8. Заседателяева, Л. Б. Терские казаки / Л. Б. Заседателяева. – М. : Изд-во МГУ, 1974. – 424 с. – Текст : непосредственный.
9. Лапин, В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. / В. В. Лапин. – СПб. : Европейский дом, 2008. – 400 с. – Текст : непосредственный.
10. Барретт, Т. М. Линии неопределенности: северокавказский фронт России / Т. М. Барретт. – Текст : электронный // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет : антология*. – Самара, 2000. – Т. 2: Императорский период. – С. 163–194. – URL: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706> [дата обращения: 02.09.2021].
11. Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). – Армавир, 2008. – 228 с. – Текст : непосредственный.
12. Бузуртанов, М. О. Навеки вместе / М. О. Бузуртанов, В. Б. Виноградов, С. Ц. Умаров. – Грозный, 1980. – 120 с. – Текст : непосредственный.
13. Виноградов, В. Б. Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы / В. Б. Виноградов. – Армавир, 2003. – 120 с. – Текст : непосредственный.
14. Приймак, Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешне-политических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.) / Ю. В. Приймак. – Армавир, 2011. – 359 с. – Текст : непосредственный.
15. Дударев, С. Л. О новом опыте написания региональной истории (к выходу учебного пособия «Северный Кавказ в составе Российской империи» / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 460 с.) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // *Научная мысль Кавказа*. – 2008. – № 4. – С. 64–69.
16. Дударев, С. Л. Это было недавно, это было давно... / С. Л. Дударев. – Армавир–Ставрополь, 2008. – 272 с. – Текст : непосредственный.

17. Дударев, С. Л. В.Б. Виноградов и судьба инновационной концепции русско-чечено-ингушского единства (рассуждения ученика и современника) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Сборник научных работ С.Л. Дударева. – М. : Илекса, 2011. – С. 401–411.
18. Захаров, В. А. Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил / В. А. Захаров, Г. Е. Арешев. – М. : Квадрига, 2010. – 272 с. – Текст : непосредственный.
19. Клычников, Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений / Ю. Ю. Клычников. – Текст : непосредственный // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Вып. 9. – Пятигорск : ПГУ, 2018. – 108 с.
20. Дударев, С. Л. «Формула любви»: новое исследование о совместничестве (вместо послесловия) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Клычников Ю.Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений: Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Вып. 9. – Пятигорск : ПГУ, 2018. – С. 76–91.
21. Клычников, Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.) : исторические очерки / Ю. Ю. Клычников. – М. : Ленанд, 2015. – 368 с. – Текст : непосредственный.
22. Романова, А. П. Кавказ как вечный фронтир / А. П. Романова, М. С. Топчиев. – URL: [http://kaspu.aspu.ru/files/3\(40\)/284-291.pdf](http://kaspu.aspu.ru/files/3(40)/284-291.pdf) (дата обращения: 09.09.2021). – Текст : электронный.
23. Суций, С. Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия) / С. Я. Суций. – Ростов н/Д. : ЮНЦ РА, 2010. – 218 с. – Текст : непосредственный.
24. Дударев, С. Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и большой России в XVIII – начале XXI века / С. Л. Дударев ; под ред. Н. Н. Гаруновой. – Армавир : Дизайн-студия Б, 2013. – 56 с. – Текст : непосредственный.
25. Великая, Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства / Н. Н. Великая. – Текст : непосредственный // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. – 2007. – № 45. – С. 88–101.
26. Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность : статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – 2-е изд., расш. и доп. – М. : SPL-«Русская панорама», 2003. – 512 с. – Текст : непосредственный.
27. К обсуждению закона о российской нации и управлении межэтническими отношениями // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории: Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Армавир, 2016. – С. 4–17.
28. Дегоев, В. А. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера / В. А. Дегоев, Р. Ю. Ибрагимов. – М. : Империя XXI век, 2006. – 82 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Dudarev S.L., Klychnikov Yu.Yu. *Goroda kak prostranstvo sociokul'turnoj adaptacii naseleniya Severnogo Kavkaza v processe osushchestvleniya rossijskogo modernizacionnogo proekta* [Cities as a Space for Socio-Cultural Adaptation of the Population of the North Caucasus in the Process of Implementation of the Russian Modernization Project]. Pyatigorsk, PSLU, 2014. 73 p.

2. Ivanova L.M. Caucasian frontier in the modern Russian historiography. *Mir slavyan Severnogo Kavkaza = The World of the Slavs of the North Caucasus*, 2016, iss. 9, pp. 49–55. (In Russian).
3. Berberova E.G. *Osobennosti severokavkazskogo frontira rossijskoj imperii (1722–1864 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the North Caucasian Frontier of the Russian Empire (1722–1864). Diss. abstract]. Vladikavkaz, 2014. 22 p. Available at: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556278?page=3&rotate=0&theme=white>. (In Russian).
4. Matveev O.V. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: from Front to Frontier. Historical and Anthropological Essays]. Krasnodar, 2015. 272 p.
5. Sen' D.V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2020, No. 1, pp. 66–80. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.104>
6. Khut L.R., Cheucheva A.K., Matveev O.V. *Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki* [Caucasian War: From Front to Frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar: Edvi, 2015. 272 p.
7. Terner F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American history]. M., Ves' mir, 2009. 304 p.
8. Zasedateleva L.B. *Terskie kazaki [Terek Cossacks]*. M., MSU, 1974. 424 p.
9. Lapin V.V. *Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII–XIX vv.* [The Russian Army in the Caucasian War of the XVII–XIX Centuries]. SPb., Evropejskij Dom, 2008. 400 p.
10. Barrett Tomas M. Lines of uncertainty: Russia's North Caucasian frontier. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let: Antologiya = American Russian Studies. Milestones in the Historiography of Recent Years: An Anthology*. Samara, 2000, vol. 2, pp. 163–194. Available at: <http://books.reenactor.ru/?bookid=706>. (In Russian).
11. *Sbornik izbrannyh statej Vitaliya Borisovicha Vinogradova (k 70-letiyu so dnja rozhdeniya)* [Collection of Selected Articles by Vitaly Borisovich Vinogradov (on the Occasion of his 70th Birthday)]. Armavir, 2008. 228 p.
12. Buzurtanov M.O., Vinogradov V.B., Umarov S.C. *Naveki vmeste* [Together forever]. Grozny, 1980. 120 p.
13. Vinogradov V.B. *Rossiya i Severnyy Kavkaz: istoriya v zerkale hudozhestvennoj literatury* [Russia and the North Caucasus: History in the Mirror of Fiction]. Armavir, 2003. 120 p.
14. Priymak Yu.V. *Severo-Vostochnoe Prichernomor'e vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh processah formirovaniya yuzhnyh granic Rossii (konec XVII – pervaya tret' XIX v.)* [The Northeastern Black Sea Region in the Internal and Foreign Policy Processes of the Formation of the Southern Borders of Russia (Late 17th – First Third of the 19th Century)]. Armavir, 2011. 359 p.
15. Dudarev S.L. On the new experience of writing regional history (for the publication of the textbook "The North Caucasus as part of the Russian Empire". *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2008, No. 4, pp. 64–69. (In Russian).
16. Dudarev S.L. *Eto bylo nedavno, eto bylo davno...* [It has been recently, it was long ago...]. Armavir–Stavropol, 2008. 272 p.
17. Dudarev S.L. V.B. Vinogradov and the Fate of the Innovative Concept of Russian-Chechen-Ingush Unity (Reasoning of a Student and a Contemporary. *Sbornik nauchnyh rabot S.L. Dudareva = Collection of Scientific Works by S.L. Dudarev*. M., Ileksa, 2011, pp. 401–411. (In Russian).

18. Zakharov V.A., Areshev G.E. *Kavkaz posle 08.08.08: starye igroki v novoj rasstanovke sil* [Caucasus after 08.08.08: Old Players in a New Alignment of Forces]. М., Kvadriga, 2010. 272 p.
19. Klychnikov Yu.Yu. *Collaboration: a Retrospective Analysis of the Specifics of Russian-North Caucasian Relations. Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova = Bulletin of the Scientific and Pedagogical Caucasian School of V.B. Vinogradov*, 2018, iss. 9, 108 p. (In Russian).
20. Dudarev S.L. «Formula of Love» a New Study on the Combination (instead of an epilogue). *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova = Bulletin of the Scientific and Pedagogical Caucasian School of V.B. Vinogradov*, 2018, iss. 9, pp. 76–91. (In Russian).
21. Klychnikov Yu.Yu. *Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: v poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.)* [Russian Statehood and the North Caucasian Archaic: in Search of Overcoming Contradictions (XVIII – Early XXI Centuries)]. М., Lenand, 2015. 368 p.
22. Romanova A.P., Topchiev M.S. *Kavkaz kak vechnyj frontier* [Caucasus as an Eternal Frontier]. Available at: [http://kaspy.aspu.ru/files/3\(40\)/284-291.pdf](http://kaspy.aspu.ru/files/3(40)/284-291.pdf). (In Russian).
23. Sushchij S.Ya. *Terroristicheskoe podpol'e na vostoке Severnogo Kavkaza (Chechnya, Dagestan, Ingushetiya)* [Terrorist Underground in the East of the North Caucasus (Chechnya, Dagestan, Ingushetia)]. Rostov-on-Don, UNC RA, 2010. 218 p.
24. Dudarev S.L. *K izucheniyu specifiki integrativnogo processa u narodov Severnogo Kavkaza i bol'shoy Rossii v XVIII – nachale XXI veka* [To the Study of the Specifics of the Integrative Process among the Peoples of the North Caucasus and Greater Russia in the 18th – Early 21st Centuries]. Ed. by N.N. Garunova. Armavir, Dizajnstudiya B, 2013. 56 p.
25. Velikaya N.N. Russianness as a Paradigm for Studying Russian-Caucasian Unity. *Aktual'nye i diskussionnye problemy istorii Severnogo Kavkaza. Yuzhnorossijskoe obozrenie = Topical and Controversial Problems of the History of the North Caucasus. South Russian Review*, 2007, No. 45, pp. 88–101. (In Russian).
26. Degoev V.V. *Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'* [The Great Game in the Caucasus: History and Modernity]. М., Russkaya Panorama, 2003. 512 p.
27. The discussion of the law on the Russian nation and the management of interethnic relation. *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoj Shkoly V.B. Vinogradova = Bulletin of the Scientific and Pedagogical Caucasian School of V.B. Vinogradov*. Armavir, 2016, pp. 4–17. (In Russian).
28. Degoev V.A., Ibragimov R.Yu. *Severny Kavkaz: postsovetskie itogi kak rukovodstvo k dejstviyu, ili Povestka dnya na vchera* [North Caucasus: Post-Soviet Results as a Guide to Action or an Agenda for Yesterday]. М., Izdatel'skiy dom Imperium-XXI vek, 2006. 82 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. Еще раз о Северокавказском фронтире / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 44–55.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. Once Again on the North Caucasus Frontier / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 44–55. (In Russian).

УДК 93.94

**МОСКОВСКИЙ И КАРСКИЙ ДОГОВОРЫ 1921 Г.
РОССИИ С ТУРЦИЕЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЯХ
В ЭТНОСФЕРЕ КАВКАЗА**

В.А. Матвеев

**THE MOSCOW AND KARSKY TREATIES OF 1921
BETWEEN RUSSIA AND TURKEY AND THEIR REFLECTION
ON THE AMENDMENTS IN THE ETHNOSPHERE OF THE CAUCASUS**

V.A. Matveev

Аннотация. Обстоятельства подписания Московского и Карского договоров в 1921 г. в тех или иных аспектах подвергались ранее осмыслению. Весомый вклад в изучение проблемы внесен, в частности, видным ученым В.А. Захаровым. Результаты представлены в нескольких монографических проектах [1; 2; 3]. Геополитические и цивилизационные последствия произошедшего 100 лет назад события тем не менее нуждаются по-прежнему в объективной и разносторонней реконструкции. Ими затрагивались судьбы людей, превратившихся вследствие уступок территории российского Кавказа в вынужденных переселенцев. В статье с привлечением не вводившихся ранее в научный оборот архивных данных воспроизводится преимущественно данный срез произошедшей трагедии. Особое внимание обращается на исход с прежних мест проживания духоборов и молокан, а также других категорий христианского населения. Показаны вместе с тем сложности их возвращения на родину.

Abstract. The circumstances of the signing of the Moscow and Kara Treaties in 1921 in various aspects were previously subjected to reflection. A significant contribution to the study of the problem was made, in particular, by the prominent scientist V.A. Zakharov. The results are presented in several monographic projects [1; 2; 3]. Nevertheless, the geopolitical and civilizational consequences of the event that occurred 100 years ago still need an objective and versatile reconstruction. They touched upon the fate of people who turned into internally displaced persons as a result of the concessions of the territory of the Russian Caucasus. The article reproduces mainly this section of the tragedy that occurred with the involvement of archival data that was not previously introduced into scientific circulation. Special attention is paid to the exodus from the former places of residence of the Dukhobors and Molokans, as well as other categories of the Christian population. At the same time, the difficulties of their return to their homeland are shown.

Ключевые слова: российский Кавказ, Московский и Карский договоры, вклад в исследование проблемы В.А. Захарова, большевистская элита, гражданская война, мировая революция, вынужденные переселенцы, трагическая участь духоборов и молокан, «такие же русские», сужение восточнославянской этносферы.

Keywords: the Russian Caucasus, Moscow and Kara Treaties, contribution to the study of the problem of V.A. Zakharov, Bolshevik elite, civil war, world revolution, internally displaced persons, tragic fate of the Dukhobors and Molokans, "the same Russians", narrowing of the East Slavic ethno-sphere.

Вынужденное перемещение христианского населения в Россию при подписании Брестского договора (1918) явилось вполне ожидаемым. Какого-либо значения этому большевистским руководством между тем не придавалось. В составе беженцев оказались исповедовавшие христианство ассирийцы, армяне, понтийские греки и другие народы [4, с. 8]. Оставлять обжитые места на Кавказе вынуждено было и русское население. С появлением Московского договора (1921) численность беженцев из южных ареалов края существенно возросла. Наметилась их цивилизационная переорганизация. Достигнутое не без сложностей в имперский период межконфессиональное совмещение оказалось ослабленным. Происходило это в том числе вследствие исхода из Закавказья последователей русского протестантизма.

26 мая 1921 г. ВЦИК принял постановление, разрешавшее переселение в пределы России духоборов и молокан из Азербайджана, Армении и Грузии [5, л. 44]. Подписание Карского договора (1921), всецело соответствовавшего лишь интересам Турции и основанного на односторонних уступках, сделало неизбежным такой же исход из приграничной с ней области. Осевшие там когда-то сектанты также вынуждены были оставлять обжитые места. Переданная Турции Карская область подверглась полной зачистке от русского населения из-за политики большевистского руководства. Тем не менее переселение в другие не затронутые реорганизациями субъекты разрешалось. Возможность вернуться вглубь России впервые предоставлялась также сектантам. Такое право получили и те их общины, из которых в преобладающей степени состояла зона русской оседлости в приграничье.

Из отошедшей к Турции Карской области уходили поселившиеся в ее пределах духоборы, молокане и др. Между тем во всех округах они также стали коренными, обретя особую субэтническую специфику. Обстоятельства поселения, ссылка или добровольное водворение, равно как и длительное проживание в конкретной местности отложились к моменту исхода в самосознании. Это является показателем существования и производной от общерусского исторического кода соответствующей субэтнической кодификации. На это, в частности, указывает то, что о «карских истоках» память сохранялась и впоследствии. Допускавшаяся при революционных переменах в России несправедливость прослеживается, таким образом, и по части, постигшей русских сектантов из Закавказья.

После заключенных по настоянию В.И. Ленина договоров с Германией и Турцией христианское население из прилегающих территорий к Ардагану и Карсу, в том числе и молокане, вынуждены были уходить с обжитых мест. В вынужденное перемещение из Закавказья вовлечены были из отошедших от России ареалов и духоборы. По сохранившимся воспоминаниям, ходоки, в частности, от молокан обращались предварительно за разрешением к В.И. Ленину и получили его. Просьбы же об этом в различные периоды до 1917 г. результата не дали. Так что получение разрешения само по себе указывало и на происходившие при преодолении системного кризиса в России позитивные перемены.

Но во многом они также продолжали сочетаться с радикализмом и сохранявшимися надеждами на скорое свершение мировой революции.

Как и в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., против христианского населения использовались организованные отряды разбойников. В таких случаях действия башибузуков не имели ограничений, превращаясь в разновидность массового террора, официально вроде бы сопредельным государством не поддерживавшегося. Разбойные нападения в южных частях Кавказа так же, как и северных, провоцировались целенаправленно для подрыва геополитических позиций России и германской агентурой. На это выделялись немалые средства. Вследствие активизации набегов башибузуков происходила зачистка Карской области и Турецкой Армении в целом от христианского населения. Коснулась она и русских сектантов.

При отходе с обжитых мест в Карской области духоборы и молокане, по сохранившимся свидетельствам непосредственно переживших трагедию, подвергались ограблению. Конные отряды башибузуков их преследовали, и на протяжении всего пути существовала постоянная угроза расправы. При исходе из Карской области русским беженцам для сохранения жизни приходилось откупаться от преследовавших их конных отрядов «турецких разбойников». Содействие сектантам при перемещениях на дальние расстояния не оказывалось. Из-за сложившейся ситуации, например, в Терской области прибывавшие группы в разные периоды гражданской войны везде в ее пределах смогли получить лишь временное пристанище. В таком же положении оказались они в других субъектах Северного Кавказа.

Выдавливание христианского населения с территории «Турецкой Армении», в том числе и приграничной Карской области, производили, таким образом, как и на Северном Кавказе, разбойники. Некоторое сходство в этом, безусловно, прослеживается. Нападения «турецких башибузуков» на христиан и грабительские действия направляли в ряде случаев кадровые офицеры. Под их руководством разбойники занимались грабежами иноверцев, осуществляли террор, доводя нередко насильственные действия до масштабов истребления по признаку религиозной принадлежности [6, с. 167]. С оставлением русской армией позиций в Турецкой Армении отряды, терроризировавшие при помощи «грабежей и убийств» христианское население, не встречали сопротивления.

Защиту же единоверцев с ее отходом никто в Закавказье не обеспечивал. Со стороны советского руководства каких-либо официальных протестов по поводу преступлений башибузуков так и не последовало. Армянские вооруженные формирования, пытавшиеся поддерживать контроль над оставленным русской армией пространством, не имели достаточных сил осуществлять его эффективно [6, с. 167]. Протяженность требовала привлечения гораздо более многочисленных соединений. Без поддержки России удержание занимаемых позиций становилось проблематичным. Изменения же в этносфере наметились вскоре после заключения Брестского договора. Беженцами становились не только исповедовавшие христианство уроженцы Турции, но и ардаганские, артавинские и карские армяне, принявшие ранее российское подданство [4, с. 31].

Какая-то часть спасавшихся христиан в надежде найти укрытие оказалась в провозгласившей независимость Армении, включавшей в свой состав преимущественно лишь территорию бывшей Эриванской губернии. По ходу противостояния с Турцией данного образовавшегося государства происходили периодически возвращения какой-то части беженцев на прежние места. Но в конечном итоге исход христианского населения принял массовые размеры. Вследствие этого многочисленные партии его из бывших южных провинций появлялись и на Северном Кавказе. Какое-либо содействие им так же, как и русским сектантам, в условиях гражданской войны не обеспечивалось.

В имперский же период по инициативе правительства создавалось для приема и обустройства беженцев Особое совещание [7, с. 157]. С 30 августа 1915 г. действовало положение «Об обеспечении нужд беженцев». Массовое их перемещение так или иначе ставилось под контроль государства. Регулирование его производилось распоряжениями Министерства внутренних дел. От намерения возложить попечение о беженцах в местах пребывания на администрации эвакуированных губерний правительство Российской империи отказалось. Уже в самом начале при попытках практического осуществления проекта обозначились затруднения, которые и привели к оперативной передаче контроля за приемом и обустройством беженцев в Министерство внутренних дел [8, с. 157].

Обещания же советского руководства оставались чаще всего в виде ничего не значивших деклараций [4, с. 22]. Между тем правительству Ататюрка, не имевшему легитимных полномочий, но действия которого воспринимались как революционные, финансовая и даже военная помощь предоставлялась [4, с. 21]. Для укрепления турецкой армии направлялись вооружения. И это также являлось отражением применявшегося в проводившейся политике «классового подхода». 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор «о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией». В его заключении с советской стороны участвовал народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин и член ВЦИК Д. Коркмасов [9, с. 312–313]. Турцию на переговорах представляли уполномоченные правительства «Великого национального собрания» Юсуф Кемаль, Риза Нур и Али Фуад [9, с. 313].

В ходе их все заключенные ранее договоры между двумя странами были признаны не соответствующими «обоюдным интересам». Согласие на их отмену тем не менее сводилось к уступке Турции принадлежавших России территорий. По Московскому договору 1921 г. устанавливалась и новая граница, разделившая Кавказ. Немалая его часть передавалась Турции. К ней отходили районы Ардагана, Артвина и Карса. В составе Грузии оставлялся лишь г. Батуми с прилегающим к нему пространством. Образованная же Нахичеванская область передавалась Азербайджану, которому предоставлялось право осуществления над ней протектората [9, с. 313].

При подписании Московского договора в 1921 г. от имени советского правительства было заявлено также об отказе от «режима капитуляций»,

который расценивался в соответствии с утверждавшейся идеологией как несовместимый со «свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав» [9, с. 313]. Наряду с этим давалось обещание оказывать всемерное содействие «турецкому национально-освободительному движению». На эти цели выделялись немалые по тому времени средства в размере «10 млн. руб. золотом». Договором предусматривалось вместе с тем обеспечение Турции «оружием, боеприпасами, снаряжением и пр.» Объемы же такой поддержки не оговаривались. Предоставлялась она, как разъяснялось в заявлениях, в зависимости от обстоятельств до «полной победы над интервентами» [9, с. 313].

С участием РСФСР такой же по содержанию договор 13 октября 1921 г. был подписан с Турцией «Закавказскими Советскими республиками» (Арменией, Азербайджаном и Грузией) в г. Карсе [10, с. 20–21]. И в его наименование было включено упоминание «о дружбе». Формулировки же условий без каких-либо изменений основывались на предшествующих статьях, составленных по результатам достигнутых соглашений сторон в г. Москве. Основывались же они на уступках советского руководства, возлагавшего надежды на скорое начало революций в странах зарубежного Востока. Срок действия Карского договора условиями не ограничивался. По существовавшим, судя по всему, замыслам он должен был способствовать «укреплению международного положения Турции, успеху ее национально-освободительной борьбы против империалистической интервенции» [10, с. 21].

Внешняя политика тем самым отрывалась от «исторических корней». О такой опасности радикальных подходов к решению существовавших проблем предостерегал еще П.А. Столыпин [11, с. 96]. Восстановление справедливости по отношению к армянскому народу стало в очередной раз составляющей русской идеи и по ходу первой мировой войны. Одного же ретроспективного измерения у нее не существовало. В каждую эпоху она видоизменялась, наполняясь конкретным содержанием в соответствии с ее запросами. Московский и Карский договоры предусматривали односторонние уступки Турции во имя мировой революции. Стремление армянского народа вернуть утраченные когда-то этнические территории были полностью проигнорированы.

Помощь же Турции по соображениям поддержки классовой борьбы на международной арене большевистским руководством оказывалась в значительных размерах [12, с. 228]. После подписания Московского и Карского договоров произошло ее еще более существенное увеличение. И это несмотря на то, что в 1921 г. в РСФСР разразился голод, сопровождавшийся многочисленными жертвами. Предоставление Турции даже при таких обстоятельствах значительной экономической поддержки обуславливалось данным Ататюрком обещанием В.И. Ленину экспортировать революцию в восточные страны [12, с. 228]. Как раз с завершением гражданской войны в среде большевистской элиты сложилось представление, что «окончательное решение мировой борьбы», ее исход и «победа социализма» зависят от включения

в нее проживающего там населения [13, с. 404]. По происходившим в той или иной форме движениям «за... освобождение» В.И. Ленин сделал вывод, что революционные процессы на Востоке развиваются «с необычайной быстротой» [13, с. 404].

Это обстоятельство предлагалось использовать в противовес «западно-европейским... государствам», не оставлявшим якобы намерений раздавить «российскую Советскую власть» [13, с. 404]. Противодействие В.И. Ленин рассматривал как необходимость «обеспечить... существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным... националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство» [13, с. 404]. Под таким же углом зрения воспринимались и события в Турции. Преобразования Ататюрка содержали, безусловно, светский прогрессивный фон. Но применявшийся в сочетании с ними националистический принцип создавал угрозу для сохранения этнической и религиозной самобытности христианских народов. В оказании поддержки Ататюрку большевистское руководство также исходило, видимо, из рекомендации В.И. Ленина, что Турции, как и другим странам Востока, «нужно успеть цивилизоваться» [13, с. 404].

Право же армянского народа на сохранение исторической родины во внимание не принималось. Советским руководством не было заявлено ни одного протеста и по поводу периодически возобновлявшихся на подконтрольных Турции территориях акций принудительных зачисток. В преломлении утверждавшихся идеологических представлений все происходившее воспринималось как начало мировой революции, ради которой не стоило замечать трагические издержки. Между тем «турецкие армяне», к которым ошибочно тогда относили имевших российское подданство артевинских и карских беженцев, приняли советскую власть. Скопившиеся на Северном Кавказе, они встали, несмотря на свое бедственное положение, и на ее защиту [14, л. 56]. Даже теми «турецкими армянами», которые ранее подданства не имели, она воспринималась как наиболее авторитетная преемница русской власти. Примечательно, что этническая общность, независимо от давности нахождения в составе государства, в данном выборе оказалась солидарной.

Напротив, другие исповедовавшие христианство беженцы из Турции, ассирийцы и даже православные понтийские греки, советское гражданство, как правило, длительное время не принимали. В начале 20-х гг. XX в. В.И. Ленин сохранял убежденность, что вследствие «первой империалистической войны... весь мир... уже переходит... к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию» [13, с. 403]. К нему «пришел окончательно», по его оценке, и Восток [13, с. 403]. Соответственно у В.И. Ленина и советского руководства не возникало сомнения в необходимости оказания помощи Турции.

В этом прослеживалась своеобразная революционная одержимость, основывавшаяся на абсолютизации идеи. Однако со стороны Ататюрка, как подтверждали его действия на разных этапах, предпринимались лишь обманчивые уловки для достижения своих целей, в том числе и в отношениях с советским руководством. При помощи обещаний «в экспорте революции на Восток», по мнению современного исследователя В.З. Акопяна, Ататюрк добивался согласия «на территориальные приращения за счет восточноармянских областей». Ставка с его стороны делалась и на срыв принятых по итогам первой мировой войны «международных соглашений по разделу Османской империи» [12, с. 228].

Несмотря на это, потерпевшей совместно с Германией поражение Турции из РСФСР предоставлялись военные и финансовые ресурсы [12, с. 228]. Имевшие хоть какое-то сходство с революциями события ставились, таким образом, большевистским руководством выше, чем оказание помощи своему собственному народу. На самом же деле деятельность Ататюрка основывалась на националистических идеалах. Не останавливался он для их утверждения и перед массовым истреблением христианского населения, чему руководство РКП(б) не придавало значения. Надлежащие же меры для облегчения участи беженцев сего стороны не принимались [4, с. 22]. В.И. Ленин и его окружение несут непосредственную ответственность за игнорирование российских государственных интересов. Позиция их способствовала также в какой-то степени беспрепятственному развитию националистической вандеи в южных ареалах, приведшей к зачистке соответствующих территорий от возлагавшего всегда надежды на Россию христианского населения. При наступлении в Закавказье турецкая армия производила массовые расправы и в Восточной Армении [4, с. 124].

Подвергавшееся же им население спасали по собственной инициативе, уходившие с фронта подразделения русской армии. Защиту ассирийцам, например, обеспечили формирования линейных кубанских казаков, которые, кроме того, при невозможности полагаться на государственную поддержку приютили их в своих станицах [4, с. 124]. Количество же беженцев в связи с наступлением турецких войск в Закавказье в северных губерниях и областях края резко возрастало. Уходить в поисках защиты вынуждено было прежде всего исповедовавшее христианство население. Сложившаяся вследствие отмеченных обстоятельств геополитическая реальность (оставление территории) привела к необратимым по сути цивилизационным изменениям.

Тревогу в среде христианского населения, в том числе русского, вызывала проводившаяся панисламистская пропаганда, формировавшая религиозный фанатизм у части мусульман южных провинций. Столкновения же с ними по сценариям националистической вандеи с весьма трагическими последствиями происходили и до этого. Возраставшая угроза их повторения при турецком вторжении также способствовала появлению беженцев на Юге России и в других частях страны. Из местностей традиционного проживания в Закавказье вынуждены были уходить на север в поисках защиты и горские евреи [4, с. 8].

По сценариям националистической вандеи развивались в пределах Южного Кавказа также конфликты Грузии с абхазами и южными осетинами в 1918–1921 гг. Разрешались же они только военным путем. Для прекращения межэтнических столкновений в Грузию направлялись подразделения Красной армии. Вооруженное сопротивление абхазов и южных осетин попыткам силового подчинения и тогда предопределялись стремлением сохранить этническую самобытность в составе России. Провоцирующую роль играли и территориальные разграничения, основывавшиеся на национальном критерии. Конфликты с абхазами и южными осетинами в 1918–1921 гг. нельзя, на мой взгляд, относить к разновидности «сугубо внутренних для Грузии».

Обуславливались же они тогда выбором субъектной не только этнической, но и российской идентичности. В противостоянии абхазов и южных осетин притязаниям Грузии прослеживалось вместе с тем отрицание двойных стандартов в праве наций на самоопределение. Революционный же радикализм, которому оказавшаяся у власти политическая элита РКП(б) следовала и в условиях гражданской войны, привел в ряде случаев к необратимым последствиям. Формировавшаяся на протяжении длительного времени этносфера на Кавказе подверглась разрушению. Исход христианского населения, в том числе и русского, оказался полным. Массовое переселение сектантов из Карской области в Россию стало происходить с 1922 г. [5, л. 1].

Покидавшим Карскую область последователям русского протестантизма так же, как армянам и другим христианским беженцам, защита и поддержка государственной властью по-прежнему не предоставлялась. Полагаться они могли преимущественно только на собственные силы. Содействие их обустройству сопровождалось проволочками. Следовали неоднократные предписания «ускорить» реализацию принимавшихся решений [5, л. 32, 75, 75-об., 89, 101]. Но и в этом не прослеживается сходство с практикой управления, существовавшей в имперский период, когда материальная поддержка в тех или иных формах все же оказывалась.

Возможность обустроиться духоборы и молокане из Карской области получили в соответствии с произошедшими изменениями политики в отношении беженцев первой мировой и гражданской войн. В служебной переписке в начале 20-х гг. XX в. появилось определение «карспереселенцы» [5, л. 19, 21, 24]. Вследствие радикальных перемен в России с нарушением справедливости произошло геополитическое и цивилизационное переформатирование пространства южных ареалов. Проводившаяся в соответствии с классовым критерием политика, как показывает проведенный анализ, имела нацеленность на мировую революцию, ради которой В.И. Ленин и его окружение готовы были пойти на какие угодно уступки. За иллюзии же «красных вождей» расплачиваться приходилось всему российскому согражданству.

Трагическая участь постигла и восточнославянское население Кавказа, причем не только из-за возникавших конфликтных ситуаций. Коснулась она и сектантов Карской области. Исход из нее духовных христиан (духоборов

и молокан) оказался полным. В 1922 г. последователи различных направлений русского протестантизма вынуждены были из-за сложившихся обстоятельств покинуть совместно с остальным христианским населением обжитую при весьма суровом климате высокогорья местность в Карской области. Переселялись они и из других частей Кавказа. Обосновавшиеся когда-то, преодолевая значительные трудности в пределах края, молokane возвращались совместно с близкими им по вероисповедной версии духоборами.

Представители русского протестантизма оказались так же, как армяне, ассирийцы, греки и некоторые другие категории христиан, беженцами гражданской войны, пострадавшими вследствие радикальных перемен. Пространство Юга России оказалось с нарушением критерия справедливости переорганизованным не только по национальному признаку. Утрачены были вместе с тем геополитические позиции. Произошло вследствие этого сужение и удерживавшегося Россией цивилизационного пространства. При принятии решений, приведших к таким последствиям, судьбы людей во внимание не принимались. Последствия политики, основывавшейся на радикальных подходах и игнорировании достигнутых результатов в предшествующие периоды, на ряде направлений оказались необратимыми.

Коснулась она и сектантов. Совместно с остальным христианским населением пределы Кавказа вынуждены были покинуть и последователи различных направлений русского протестантизма. Исход их из ряда местностей края оказался полным. Проблема русских беженцев, в отличие от имперского периода, большевистским руководством воспринималась с иных позиций. В необходимых объемах помощь тем не менее по-прежнему не оказывалась. Принимавшиеся же меры сопровождалась проволочками.

Однако реализовывавшийся после прихода большевиков к власти принцип гражданственности, отделения церкви от государства, позитивно отразился на отношении к последователям сект. Претерпело изменение и восприятие староверов. Основывавшаяся на классовом подходе политика тем не менее впоследствии привела к другим неблагоприятным для всех верующих последствиям, независимо от религиозной специфики. Репрессии при большевистском режиме затронули и русскую православную церковь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров, В. А. Карс и Карский договор 1921 года в истории Армении : материалы к обсуждению книги А. Тонконоженко «Карс: проклятая память» / В. А. Захаров. – М. : Центриздат, 2010. – 108 с. – Текст : непосредственный.
2. Захаров, В. А. Современный взгляд на Московский и Карский договоры 1921 года: проблемы и перспективы / В. А. Захаров. – М. : Центриздат, 2015. – 164 с. – Текст : непосредственный.
3. Захаров, В. А. Российско-турецкие отношения и подписание Московского и Карского договоров 1921 года: проблема их денонсации / В. А. Захаров. – М.–Степанокерт, 2020. – 323 с. – Текст : непосредственный.

4. Акопян, В. З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е гг. XX века : монография / В. З. Акопян ; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск : ФГБОУ ВПО «ПГЛУ», 2015. – 302 с. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1390. – Оп. 1. – Д. 333. – Текст : непосредственный.
6. Акопян, В. З. Старый Артвин. Историко-культурный очерк : монография / В. З. Акопян. – Пятигорск : ПГЛУ, 2012. – 504 с. – Текст : непосредственный.
7. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1968. – 368 с. – Текст : непосредственный.
8. Белова, И. Б. Основные проблемы российского беженства 1915–1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии / И. Б. Белова. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2017. – № 11. – С. 156–164.
9. Дипломатический словарь. В 3 т. Т. III. С–Я. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1986. – 750 с. – Текст : непосредственный.
10. Дипломатический словарь. В 3 т. Т. II. К–Р. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1985. – 502 с. – Текст : непосредственный.
11. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия... : полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 411 с. – Текст : непосредственный.
12. Акопян, В. З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.) : монография / В. З. Акопян ; Ростовский государственный университет путей сообщения. – Ростов н/Д. : ФГБОУ ВПО «РГУПС», 2014. – 287 с. – Текст : непосредственный.
13. Ленин, В. И. Лучше меньше, да лучше / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 45. Март 1922 – март 1923. – М. : Политиздат, 1975. – 730 с. – С. 389–406.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 432. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Zakharov V.A. *Kars i Karskii dogovor 1921 goda v istorii Armenii: materialy k obsuzhdeniyu knigi A. Tonkonozhenko «Kars: proklyataya pamyat»*. [Kars and the Kara Treaty of 1921 in the History of Armenia: Materials for the Book discussion by A. Tonkonozhenko “Kars: the Cursed Memory”]. М., Centrist, 2010. 108 p.
2. Zakharov V.A. *Sovremennyy vzglyad na Moskovskii i Karskii dogovory 1921 goda: problemy i perspektivy* [A Modern View on the Moscow and the Kara Treaties of 1921: Problems and Prospects]. М., Centrist, 2015. 164 p.
3. Zakharov V.A. *Rossiisko-turetskie otnosheniya i podpisanie Moskovskogo i Karskogo dogovorov 1921 goda: problema ikh denonsatsii* [Russian-Turkish Relations and the Signing of the Moscow and the Kara Treaties of 1921: the Problem of their Denunciation]. М.–Stepanokert, 2020. 323 p.
4. Akopyan V.Z. *Obrazovanie natsionalnykh selskikh poselenii dispersnykh etnosov na Yuge Rossii v 20–30-e gg. XX veka: monografiya* [The Formation of National Rural Settlements of Dispersed Ethnic Groups in the South of Russia in the 1920–1930th. Monograph]. Pyatigorsk, PSLU, 2015. 302 p.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [The State Archive of the Rostov Oblast (SARO)]. Fund R-1390, inventory 1, case 333.
6. Akopyan V.Z. *Staryi Artvin. Istoriko-kulturnyi ocherk. Monografiya* [Stary Artvin. Historical and Cultural Essay. Monograph]. Pyatigorsk, PSLU, 2012. 504 p.
7. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii*. [The History of State Institutions of Prerevolutionary]. M., Vysshaya Shkola, 1968. 368 p.
8. Belova I.B. The main problems of the Russian refugee population of 1915–1925 in domestic and foreign historiography. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2017, No. 11, pp. 156–164. (In Russian).
9. *Diplomaticheskii slovar. V 3 t. T. III. С–Я* [Diplomatic dictionary. In 3 vols. Vol. III. С–Я]. M., Nauka, 1986. 750 p.
10. *Diplomaticheskii slovar. V 3 t. T. II. К–Р* [Diplomatic dictionary. In 3 vols. Vol. III. К–Р]. M., Nauka, 1985. 502 p.
11. Stolypin P.A. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya...: Poln. sobr. rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* [We need Great Russia...: Full collection. Speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Мюб Молodaya Gvardiya, 1991. 411 p.
12. Akopyan V.Z. *Natsionalnye podrazdeleniya vo vlastnykh strukturakh Yuga Rossii (1920–1930-e gg.). Monografiya* [National Divisions in the Power Structures of the South of Russia (1920–1930th). Monograph]. Rostov-on-Don, RSTU, 2014. 287 p.
13. Lenin V.I. The less, the better less. *Polnoe sobranie sochineniy = Full collection of essays*, 1975, pp. 389–406. (In Russian).
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)*. [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund 130, inventory 2, case 432.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Московский и Карский договоры 1921 г. России с Турцией и их отражение на изменениях в этносфере Кавказа / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 56–66.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveyev V. A. The Moscow and Karsky Treaties of 1921 Between Russia and Turkey and Their Reflection on the Amendments in the Ethnosphere of the Caucasus / V. A. Matveyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 56–66. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 32.019.5

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
НОВОГО МИРОПОРЯДКА**

О.В. Вольтер

**NATIONAL IDEOLOGY AS A FACTOR OF CONSOLIDATION
OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CONDITIONS OF THE FORMATION
OF A NEW WORLD ORDER**

O.V. Volter

Аннотация. Рассматривается вопрос необходимости идеологии для российского общества. Автор утверждает необходимость идеологии, полагая, что гармоничное развитие общества на основе идеалов, поддержанных большинством населения, является залогом прогрессивного и стабильного развития государства. Рассматриваются и критикуются различные точки зрения, отрицающие необходимость идеологии для современной России.

Abstract. The question of the need for ideology for Russian society is considered. The author affirms the need for ideology believing that the harmonious development of society based on the ideals supported by the majority of the population is the key to the progressive and stable development of the state. Various points of view that deny the need for ideology for modern Russia are considered and criticized.

Ключевые слова: идеология, национальная идеология, духовные ценности, Россия.

Keywords: ideology, national ideology, spiritual values, Russia.

Гармоничное развитие общества на основе идеалов, поддержанных большинством населения, является залогом прогрессивного и стабильного развития государства. Реформы в России в конце XX века, в отличие от ряда стран постсоветского пространства, осуществлялась в состоянии политического и духовного раскола общества. Этот раскол стал результатом того, что общество не имело четко обозначенных политическими элитами ориентиров развития. Реформирование экономических и политических систем государства должно происходить из определенной стратегии реформ, согласованной с системой национальных интересов. А вопрос формирования национальных интересов напрямую связан с созданием механизмов ценностно консолидированной социальной интеграции.

В основе любого социума или политической системы находится идеология. Именно идеология устанавливает связь между мировоззрением и нормами поведения людей, придает смысл изменениям, происходящим в обществе с точки зрения высших самодовлеющих ценностей. С помощью идеологии определенная территориальная и политическая общность возвышается до осознания себя как народа, до определения своего места и своей роли в истории данного региона и человечества в целом. Идеология помогает найти обществу базовые ценности и надежные ориентиры для своего развития. Поэтому в основе упадка социума находится идеологический кризис и духовно-нравственная деградация, но и в основе обновления и расцвета культуры лежит утверждения новой системы ценностей.

Во все века государства и политические режимы имели четко выраженные ориентиры и системы морально-нравственных ценностей, определяли свое место в мировом социуме и историческом процессе, – все это являлось гарантиями сохранения целостности государства и идентичности общества. Они были закреплены в религиозном мировоззрении, общественном сознании, в установках воспитания и образования, в государственных документах. Все это формировало окружающий мир человека и стереотипы его поведения, физическое и социальное пространство общества, формировало образцы взаимодействия общества и государства. Государство чутко контролировало и координировало все эти процессы.

Современное так же общество не может развиваться без морально-нравственной, социально ориентированной системы ценностей, которая будет определять вектор развития в условиях коренной перезагрузки общественных и идеологических отношений. Выработка достойных ориентиров является в настоящее время насущной необходимостью современного российского общества.

Необходимость определения российской национальной идеологии, как основы государственной целостности России, вызвана не только потрясениями в российском обществе и процессами дезорганизации в государстве в конце 20 века. В настоящее время так же существует угроза дисбаланса векторов цивилизационного развития в контексте многополярного Российского государства.

В условиях политической напряженности, роста конфликтогенности, сложной эпидемиологической ситуации в мире, усугубленной состоянием волнообразной пандемии, спровоцировавший экономический кризис, нарастают межцивилизационные и внутрицивилизационные противоречия. Поэтому крайне важным сегодня представляется выделение ведущих мотивационных установок единства государства, единства нации и культуры. Экономические и политические факторы в условиях всеобщей глобализации провоцируют нестабильность и подрывают национальную безопасность общества, как социокультурной единицы человечества.

Проблема создания в современной России новой идеологии, закрепленной на государственном уровне, обсуждается на протяжении последних

десятилетий. При этом у участников данных дебатов сформировалось две основных точки зрения. Одни из них отрицают необходимость государственной идеологии, обосновывая свою точку зрения фактором идейного плюрализма, закрепленного в демократических обществах, приверженцы создания государственной идеологии считают ее важным инструментом консолидации российского общества.

Категорию «идеология» ввёл французский философ Антуан Дестют де Траси в книге «Элементы идеологии» в начале XIX века, который трактовал ее как «учение об идеях, позволяющее сформулировать основы политики, открыть истинную организацию дискурса – способности суждения и оценки в различных областях» [5]. Подобной интерпретации в определении и в позитивном отношении к идеологии придерживались в своих работах Э.Б. де Кондильяка и в школе идеологов (К.Ф. Вольней, П.Ж. Кабанис), которые разрабатывали новую дисциплину, опираясь на идеи французских просветителей и энциклопедистов.

К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкой идеологии» отождествили идеологию с превращёнными формами сознания. Согласно К. Марксу, действительность предстаёт в зеркале идеологии в искажённом, перевёрнутом виде; таким образом, идеология оказывается иллюзорным сознанием [2].

В противовес этому В.И. Ленин говорил о марксистской идеологии как научной, показывая положительное содержание идеологии. В дальнейшем эта точка зрения сформировала оппозицию негативного восприятия идеологии «эксплуататорских классов» с идеологией «социалистической», воспринимаемой сугубо позитивно. Для философов-марксистов, таких как Г. Лукач, Э. Блох, К. Корш, «идеология есть форма классового сознания, выражающая чаяния и надежды угнетённых и преодолеваемая благодаря развитию научного знания и философии» [7, с. 317].

В настоящее время понимание феномена идеологии базируется на положении К. Маркса и Ф. Энгельса об идеологии как отличном от науки феномене, так и на положении К. Манхейма об идеологии как результате мышления определенных групп людей.

Современные исследователи, основываясь на положениях классиков теории идеологии, акцентируют внимание на том, что ядро содержания конкретной системы идей образуют интересы определенной группы людей, выступающих обычно в качестве противостоящих друг другу социальных субъектов. Однако в современном постиндустриальном обществе противостояние друг другу социально-классовых сил утрачивает свое прежнее значение. На политической арене появляются новые политические силы, выдвигающие новые идеологии. Традиционные политические идеологии, изменяются, подвергаются конвергенции, появляются их новые модификации. В России ни данные идеологии, ни политические силы, их утверждающие, не получили достаточного развития [3, с. 23].

События 1991 г. и конца XX века привели к уничтожению советской идеологической системы, и к уничтожению сверхдержавы СССР. Само понятие

идеология оказалось под запретом. Сторонники радикальных демократических реформ, спровоцировавших развал сверхдержавы СССР, объявили идеологию проявлением тоталитаризма.

Егор Гайдар – российский либеральный реформатор, представитель высшего эшелона политической элиты СССР и Российской Федерации критиковал СССР, делал упор на разоблачение лживости и утопичности коммунистической идеологии [4, с. 76]. Он отвергал позитивную роль не только советской идеологии, но и вообще какой угодно идеологии, признавая ее формой ложного сознания [4, с. 77], при этом он опирался на западных мыслителей, таких как Д. Оруэлл, Д. Белл, утверждавших, что идеология – это отчужденная жизнь, застывшая пародия на реальность [1, с. 41].

Сторонники радикальных реформ и уничтожения СССР ссылались на мнение американского политолога Ричарда Пайпса, советника американских президентов по вопросам политики Советского Союза, яркого противника Советского государства. Р. Пайпс утверждал в 1993 г., что Россия не нуждается в государственной идеологии, что государственная идеология несовместима с демократическими устоями, а стремление к демократическому обществу предполагает плюрализм идеологий.

Конституция РФ от 1993 г., запретив государственную идеологию (п. 2 ст. 13 «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной») [6, с. 6], привела к закреплению деидеологизации на государственном уровне.

Это привело к тому, что идеология социалистического строя, как духовно-политическая основа государственной целостности страны была уничтожена, а взамен ничего не было предложено.

Основной целью руководства страны на данном этапе развития была необходимость «изменить устройство социально-экономической системы и перейти с «восточного» на «западный» путь, восстановить прерванное социальное и культурное единство с Европой» [4, с. 81].

У представителей политических элит конца XX века не было ни четко продуманного и разработанного плана реформ, ни представлений об их реализации. Результатом этого явился идеологический вакуум, попытка отторжения собственной национальной системы духовно-нравственных ценностей. Идеологическую функцию выполняли средства массовой информации, которые в усиленном режиме транслировали и навязывали западную систему ценностей и западного образа жизни, причем в самом безнравственном, развращенном и порочном ее вариантах. Так формировалась идеология новой буржуазии.

Однако в настоящее время политическая ситуация на мировой арене характеризуется попытками США и стран Запада укрепить свои лидирующие позиции на фоне роста экономического могущества и политического влияния Китая и других регионов, это приводит к непредсказуемости геополитической ситуации, особенно в условиях мирового экономического кризиса, спровоцированного пандемией и рядом других факторов. Желание

ряда стран решить свои внутренние проблемы за счет попыток найти внутреннего или внешнего врага, происходит разрушение традиционных ценностей, подмена их нетрадиционными. Осуществляются попытки переписать мировую историю, особенно историю и результаты Второй мировой войны, возрождается национализм и фашизм (Украина). Происходит трансформация миропорядка, существовавшего десятилетия.

В сложившихся условиях недопустимо потерять собственные национальные ориентиры, это чревато потерей национальной независимости. Примером подобного пути является Украина.

4 ноября 2020 года Владимир Путин на Встрече с представителями религиозных объединений сказал: «Важно понимать, что в мире происходят глубочайшие перемены. С серьезными вызовами сталкиваются традиционные ценности. Сложнейшие, крайне чувствительные вопросы межнациональных и межрелигиозных отношений становятся, к сожалению, подчас предметом спекуляций, нечистополитических игр. На них пытаются паразитировать экстремисты и радикалы, разжигая взаимную ненависть и вражду» [8].

Владимир Путин сказал: «исторический путь России как великой державы определило мирное, плодотворное взаимодействие разных народов и религий... выбор в огромной степени продиктован теми ценностями, которые лежат в основе всех традиционных религий России, – это православие, другие христианские конфессии, ислам, буддизм, иудаизм» [8].

В Русском государстве, Российской империи и Советском союзе во все века существовала национальная идеология, являвшаяся основой государства, власти и общества. Эта идеология трансформировалась в зависимости от исторических и политических этапов развития государства, но всегда отличалась преемственностью и сохраняла национальную независимость.

В сложившихся условиях Россия должна возродить свою национальную идеологию, основанную на традиционных национальных и конфессиональных духовно-нравственных ценностях. Эта идеология должна стать духовной основой национальной безопасности России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Конец идеологии / Д. Белл. – Текст : непосредственный // Новое время. – 1990. – № 29. – С. 41.
2. Вольтер, О. В. Идеология как фактор развития общества в классической и современной геополитике / О. В. Вольтер. – URL: http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/zch1_soderzhanie/Zch-1-40.pdf (дата обращения 08.08.2021.). – Текст : электронный.
3. Вольтер, О. В. Политическая идеология как один из важнейших компонентов политического процесса: генезис, структура и содержание / О. В. Вольтер. – Текст : непосредственный // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 12–13 апреля 2012 г. – Омск, 2012. – С. 20–29.

4. Гайдар, Е. Т. Государство и эволюция / Е. Т. Гайдар. – М., 1995. – Текст : непосредственный.
5. Грицанов, А. А. Идеология / А. А. Грицанов, Г. Ю. Семигин. – Текст : электронный // Гуманитарный портал. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6869> (дата обращения: 08.08.2021).
6. Конституция Российской Федерации (12.12.1993). – М., 1998. – С. 6. – Текст : непосредственный.
7. Маслова, Е. А. Эволюция представлений об идеологии в политической теории / Е. А. Маслова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (1). – С. 315–319.
8. Путин, В. В. Встреча с представителями религиозных объединений / В. В. Путин – Текст : электронный // Портал Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64336> (дата обращения 12.06.2021).

REFERENCES

1. Bell D. The End of Ideology *Novoye vremya = New Time*, 1990, No. 29, pp. 41. (In Russian).
2. Volter O.V. *Ideologiya kak faktor razvitiya obshchestva v klassicheskoy i sovremennoy geopolitike* [Ideology as a Factor in the Development of Society in Classical and Modern Geopolitics]. Available at: http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/zch1_soderzhanie/Zch-1-40.pdf. (In Russian).
3. Volter O.V. Political ideology as one of the most important components of the political process: genesis, structure and content. *Razvitiye politicheskikh institutov i protsessov zarubezhnyy i otechestvennyy opyt = The Development of Political Institutions and Processes: Foreign and Domestic Experience: Materials of the III All-Russian Scientific-Practical Conference*. Omsk, 2012, pp. 20–29. (In Russian).
4. Gaidar E.T. *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and evolution]. M., 1995.
5. Griksanov A.A., Semigin G.Yu. *Ideologiya Gumanitarnyy portal = Humanitarian portal*. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/6869>. (In Russian).
6. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation (12.12.1993)]. M., 1998. P. 6.
7. Maslova E.A. Evolution of ideas about ideology in political theory. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, No. 6 (1), pp. 315–319. (In Russian)
8. Putin V.V. *Vstrecha s predstavitel'yami religioznykh ob"yedineniy* [Meeting with representatives of religious associations]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64336>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Вольтер, О. В. Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка / О. В. Вольтер. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 67–72.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Volter O. V. National Ideology as a Factor of Consolidation of Russian Society in the Conditions of the Formation of a New World Order / O. V. Volter // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 67–72. (In Russian).

УДК 1:316.4

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НОРМАХ И ОТКЛОНЕНИЯХ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

А.С. Макаров, Д.С. Спиглазов

THE EVOLUTION OF IDEAS ABOUT NORMS AND DEVIATIONS IN PUBLIC LIFE

A.S. Makarov, D.S. Spiglazov

Аннотация. В социально-философском аспекте рассматривается развитие теоретических взглядов на сущность нормы и девиации в российском обществе. Авторы ставят своей целью выявить специфику преступления как объективного общественного отношения и его субъективного выражения в нормативном сознании, в частности, парадоксы субъективного отношения к преступникам и преступлениям в России. Выясняется дополнительность антропологической и социологической интерпретации преступления. В результате рассмотрения темы делается вывод о том, что субъективные представления о справедливости на ментальном уровне должны быть научно осмыслены на уровне объективной науки. Следует различать полезные и прогрессивные девиации (инновации), регрессивные отклонения и опасные преступления. Существует взаимная ответственность общества, государственной власти и человека друг перед другом в разграничении указанных трех отклонений.

Abstract. In the socio-philosophical aspect, the author considers the development of theoretical views on the essence of the norm and deviation in Russian society. The authors aim to reveal the specifics of crime as an objective social relationship and its subjective expression in the normative consciousness, in particular, the paradoxes of a subjective attitude towards criminals and crimes in Russia. The complementarity of the anthropological and sociological interpretation of the crime is clarified. As a result of considering the topic it is concluded that subjective ideas about justice at the mental level should be scientifically comprehended at the level of objective science. It is necessary to distinguish between useful and progressive deviations (innovations), regressive deviations and dangerous crimes. There is a mutual responsibility of society, government and individuals to each other in distinguishing these three deviations.

Ключевые слова: девиация, отклонение, норма, нормативное сознание, российская культура, российская история, природа преступления.

Keywords: deviation, divergence, norm, normative consciousness, Russian culture, Russian history, nature of crime.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена сложными общественно-политическими процессами в российском обществе, которые уходят своими корнями в глубину российской истории. Основной из современных социальных инноваций можно назвать попытку переход государственности от «классического» тоталитаризма к цивилизованному правовому государству и культурному гражданскому обществу. В то же время тенденция либерализации общества, социальных инноваций, встретила упорное сопротивление

исторической традиции, которая рассматривает всякое отклонение от архаики как опасное для своего существования.

Несвоевременное разрешение противоречий в экономическом, социально-политическом и духовном процессе порождает стремление разрешать их неправовым или нелегитимным путем, нарушая сложившиеся представления народа о социальной справедливости. Одним из наиболее негативных процессов является рост преступности в России, названный «великой криминальной революцией». В этом контексте ставится цель статьи – выявить специфику российских представлений о нормах и девиациях в общественном развитии, объяснить парадокс терпимости россиян к преступности при одновременной несправедливой ненависти ко всем людям, которые отбывают наказание.

Опыт последних десятилетий показал, что бороться с преступностью только силовыми методами невозможно, требуется последовательная работа по трансформации социальной жизни, духовной культуры и правовой системы государства. Одним из основных условий реформирования выступает теоретическое осмысление российской действительности во взаимосвязи с историческими традициями мировым опытом исследования девиантного и деликвентного поведения людей.

В методологическом аспекте успешное исследование проблемы должно учитывать диалектическое требование своевременности разрешения противоречий в общественном развитии. Традиция без новаций и инноваций ведет к архаике, к заикливанию общественного развития. Социокультурные основания исторического развития России проанализировал отечественный мыслитель А.С. Ахиезер [1]. За основу философско-исторического анализа темы может быть взята методология, обоснованная В. Виндельбантом, который разработал принцип дополнительности онтологического момента и исторического аспекта социально-философских концептов. Несомненна методологическая ценность функционального рассмотрения преступности у Э. Дюркгейма и системная методология Т. Парсонса и Н. Лумана.

В философии преступления существуют два направления, объясняющих природу преступности: антропологическое и социальное. Основоположником антропологического направления был Ч. Ломброзо, концепция которого представлена в книге «Преступный человек» [7]. Суть этой концепции в том, что природа преступности заключается в природе человека. Заслугой Ч. Ломброзе является то, что он одним из первых попытался научно объяснить преступность, подвести под нее эмпирическую базу фактов и наблюдений [2, с. 114–116]. Кроме того, он указал на то, что между преступниками, душевно больными и гениями есть нечто общее – девиация [8]. Идеи Ломброзе получили свое развитие в современной науке. Возникло направление социобиологии, которое имеет и прикладной характер в криминалистике. Следует также отметить, что и в теории этология К. Лоренца при объяснении агрессии видит причину зла в природе человека [9].

Социальное направление в объяснении девиаций представлено рядом имен выдающихся мыслителей. Французский мыслитель Э. Дюркгейм сформулировал основные идеи социологического направления, которые были поддержаны и развиты рядом мыслителей, среди которых выделяются такой авторитетный ученый, как Р. Мертон (известна его теория аномии), а также Ф. Лист, И. Тернер, П. Уолтон, Дж. Янг, полагавшие, что преступность выступает результатом общественных процессов, несовершенства буржуазного общества. Отметим, что для современной философии девиантного поведения и преступления являются также концепции Ж.П. Сартра и Э. Ферри, отрицающие первичность биологического или социального фактора.

Русская философия преступления представлена, прежде всего, трудами П.А. Сорокина, например, «Преступление и кара, подвиг и награда» [15]. Труды П.А. Сорокина сохраняют свою значимость и для современной девиантологии [16]. Казалось бы, является парадоксом то, что психология российского преступника почти идеально раскрыта в художественном творчестве Ф.М. Достоевского. Остановимся на этом подробнее.

Почувствовать психологическую, социокультурную и антропологическую сущность девиации ему пришлось на своём опыте, когда Ф.М. Достоевский попал на каторгу. В своем романе «Записки из Мертвого дома» он писал, что система кар и наказаний вовсе не исправляет человека, а только внушает преступнику дикий страх и превращает его в полусумасшедшего, неспособного потом существовать в нормальном обществе [3, с. 24]. Подчеркнем его главную мысль: к заключенным всегда относились с несправедливой ненавистью и страхом. Современная Россия не является исключением. Почему именно с несправедливой ненавистью? Потому, что общество не может понять то, за что был осужден человек. Люди отождествляют в преступный образ закоренелого насильника и мелкого воришку. Для людей неважно, почему вор украл: для обогащения или выживания. Не принимается во внимание и то, что также есть вина государства, политического режима или социальной системы в том, что сознание людей деградирует из-за нищеты.

Ф.М. Достоевский имел возможность тонко уловить и отчетливо отразить тяготы жестокой несправедливости на каторге. Всё, что описано в художественной форме, не вызывает сомнений в подлинности, аутентичности искренних переживаний. Известный юрист А.Ф. Кони, говоря о «Мертвом доме» и об авторе романа, утверждал, что этот роман превратился в призыв видеть в обитателях «мертвого дома» все еще живую личность, обладающую человеческим достоинством [6, с. 227–228]. Примечательно, что рассуждая о преступлении и наказании, Достоевский и вину преступника, ответственность его за преступление связывает одновременно с антропологической сущностью личности и с ответственностью общества перед человеком. Преступник идет на каторгу тогда, когда свобода стала хуже каторги.

Кратко отметим, что наиболее авторитетными мыслителями в понимании индивидуальных и социальных девиаций являются Н.А. Бердяев, И.А. Ильин,

В.С. Соловьев с их очень известными работами о свободе, творчестве, праве на сопротивление злу силой, о преступлении и наказании [14, с. 287–295].

Из современных философов можно назвать Э.А. Позднякова («Философия преступления. Для тех, кто не боится потерять иллюзий»), В.А. Бачинина («Философия преступления»), Д.С. Райдугина, также написавшего книгу и защитившего диссертацию по теме «Философия преступления» [12; 13].

Несомненно, одной из основных работ по проблеме нормы и девиации в общественном развитии является фундаментальный труд В.Д. Плахова «Норма и отклонение в обществе» [11]. Характерно, что В.Д. Плахов уклоняется от односторонности традиционных направлений с их парадигмальными принципами антропологизма или социологизма и пытается осуществить некий синтез в виде социальной «этологии» [11, с. 94–95].

Обратимся непосредственно к вопросу об историческом развитии представлений о нормах и девиациях в общественной жизни, так сказать, не только в методологическом и гносеологическом, но и в онтологическом аспекте.

Анализируя подходы к интерпретации социальной нормы в различные исторические периоды, нетрудно увидеть их теснейшую взаимосвязь с господствующей моралью и с трактовкой исторического времени. В первобытном обществе и античности время интерпретировалось как циклическое, своего рода замкнутый круг, в котором все события, освещенные незыблемой традицией, сменяют и повторяют друг друга. Линеарной истории в современном понимании не существовало, жизнь человека нормировалась природными циклами. Различие первобытного и античного понимания нормы и отклонения в том, что первобытное понимание нормы сугубо мифологично, оно практически не дает возможности отклонения, которое связано с безумием, влиянием рока. Греческое же понимание нормы основано на разуме, дает возможность выбора. Разум – это условие достижения идеальной нормы, гармонии, а первопричиной нарушения выступает страсть (безумство). Наиболее интересным и парадоксальным является учение софистов об относительности норм и законов, которые установлены самим человеком, а не предписаны от природы.

В христианстве время размыкается на историю в собственном смысле. Линеарное время направляет жизнь христианина на желанное будущее – второе пришествие (однако при этом все же значимость прошлого и реального настоящего осознаются и ценятся в большей степени); человеческая жизнь при этом исчисляется «от» грехопадения и «до» страшного суда, а не как простое повторение. Норма – следование обычному праву, традиционным предписаниям, освященным религией и церковью. Нарушителей стереотипов и догматов называли патологическими личностями. Отклонение рассматривалось как абсолютное преступление. Преступник рассматривается как одержимого нечистой силой. Человек искупит вину в той степени, в какой наказание будет суровым. Поэтому предпочтительнее всего средневековые пытки, приносящие невыносимые страдания людям. Инквизиции

создавалась в первую очередь для священников, хотя постепенно переключилась на весь народ.

Современные представления (начиная с Нового времени) о нормах и отклонениях изучаются рядом наук. Возникновение девиантологии, социопатологии, деликтологии, криминалистики и других наук позволило выделить опасные девиации и полезные отклонения, творческие инновации, которые необходимы обществу и культуре. Существует тесная связь между девиантным поведением и девиантным сознанием. Девиантное сознание показывает амбивалентность девиаций в культуре. Девиации могут как стабилизировать нормальное функционирование социума, так и разрушать общество, изменять, творчески преобразовывать, например, реформировать [5]. На субъективную сторону девиаций в социологии обращается недостаточно внимания. Термин «девиантное сознание» как раз служит для экспликации субъективной стороны социокультурной детерминации и самодетерминации отклоняющегося поведения индивида.

Полемика социологов по поводу утверждения Дюркгейма о неизбежности девиации закономерна не столько в отношении инноваций, сколько в отношении преступности. Дюркгейм утверждал, что не существует «другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления... Преступность есть нормальное явление потому, что социум без преступности существовать не может» [4, с. 44]. С нравственной точки зрения это легче понять, поскольку добра нет без зла. Дюркгейм намечает переход к субъективной стороне девиаций. Такой переход более явно заметен у Роберта Мертона. По теории Р. Мертона возникновения девиаций детерминируется рассогласованием социокультурных целей и наличных средств их достижения. Только конформизм, в рамках которого цели и средства не вступают в противоречие, не подпадает под дефиницию девиантности. Все же прочие виды общественной деятельности, например, инновация, ритуализм, ретритизм и бунт, уже выступают как отклонение [10, с. 302].

Интерес представляет антропологическая концепция культурного релятивизма М. Херсковица. Херсковиц, отталкиваясь от исследований Р. Бенедикт [17, р. 59–80], вводит оригинальный термин «инкультурация». Под данным термином понимается вхождение индивида в культурную среду, которая определяет мышление масс, их менталитет, модели поведения и способы восприятия реальности. Феномен инкультурации тесно связан с представлениями о норме и патологии. В своей работе «Культурная антропология» Херсковиц выдвигает важное положение: «определение того, что нормально и что ненормально, зависит от системы отношений в культуре» [18, р. 356].

Если применить эти положения Херсковица к российской ментальности, то оказывается, что правовые и моральные нормы тесно связаны с религиозными нормами и культурными нормами в целом. Российская культура определяет отношение к нормам, т. е. нормативное сознание и нормативную культуру.

Традиционная «широта души» русского человека не укладывается в узкие рамки немецкого «порядка» как системы норм жизни одномерного человека. Российский «многомерный человек» имеет как свои позитивные, так и негативные стороны, которые обуславливают ряд проблем и противоречий. Страсть к деньгам, которую пыталась обуздать советская власть и партия коммунистов, в постсоветской России вырвалась на волю. Девизом стало положение: «Деньги любой ценой, эта цель оправдывает средства». В этом смысле деньги выступают в современной России как огромное социальное зло, идол, которому молятся на всех уровнях общественной жизни. Этот идол попирает традиционные духовные и нравственные ценности, ослабляет нормативное сознание, порождает преступность на всех уровнях общественной жизни. Воровская романтика пронизывает массовую культуру, образуя криптонормированный фон, поглощающий феномены законопослушности, активной гражданственности, духовной культуры. Терпимость к преступности можно объяснить тем, что личность должна себя проявить. В агональной культуре российского общества она не всегда может проявить себя в хорошем, поэтому проявляет себя в плохом. Чем же руководствуется современная «продажная» личность? Воровать можно, но нельзя, чтобы тебя поймали.

Таким образом, эволюция представлений о нормах и отклонениях в общественной жизни постепенно приводит к смене мифологических и религиозных представлений научными представлениями. В истории России первые трактовки опасных отклонений (преступлений) трактовались как «обида», «кривда» и так далее, что подчеркивает тесную связь морали, религии и права. Традиционный панморализм российского человека парадоксальным образом связан с правовым нигилизмом, что объясняет современное стремление людей в России жить не по законам, а «по понятиям», т. е. по субъективным нравственным представлениям о справедливости. Термин «преступление» был введен при Петре I. Спецификой российских представлений о преступлении является то, что преступление трактуется, прежде всего, как деяния, направленные против государства, а не против личности. В ментальности русского человека парадоксально и причудливо сочетаются анархизм и государственничество, идентификация через державность. Задачей дальнейших научных исследований темы является понимание широкого социокультурного контекста преступления для стремления к правосудию и правильному пониманию социального творчества как продуктивной девиации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. Т. 1 / А. С. Ахиезер. – М. : ФО СССР, 1991. – 318 с. – Текст : непосредственный.
2. Долганева, А. В. Значимость теории Ч. Ломброзо в развитии криминологии и юридической психологии / А. В. Долганева. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 114–116.

3. Достоевский, Ф. Записки из Мертвого дома : роман / Ф. Достоевский. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2017. – С. 24. – Текст : непосредственный.
4. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм. – Текст : непосредственный // Социология преступности. – М. : Прогресс, 1966. – С. 39–44.
5. Ерышов, Д. В. Социокультурные детерминанты нормативного сознания и деятельности социального субъекта : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Ерышов Дмитрий Владимирович. – Армавир, 2015. – 167 с. – Текст : непосредственный.
6. Кони, А. Ф. Воспоминание о писателях / А. Ф. Кони. – М. : Правда, 1989. – С. 227–228. – Текст : непосредственный.
7. Ломброзо, Ч. Человек преступный / Ч. Ломброзо. – М. : Алгоритм, 2016. – 349 с. – Текст : непосредственный.
8. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. – М. : АСТ, 2019. – 382 с. – Текст : непосредственный.
9. Лоренц, К. Агрессия, или Так называемое зло / К. Лоренц. – М. : АСТ, 2021. – 413 с. – Текст : непосредственный.
10. Мертон, Р. К. Социальная структура и аномия / Р. К. Мертон. – Текст : непосредственный // Социология преступности. – М. : Прогресс, 1966. – С. 299–313.
11. Плахов, В. Д. Норма и отклонение в обществе: философско-теоретическое введение в социальную этологию / В. Д. Плахов. – СПб. : Изд-во Юридического ин-та, 2011. – 774 с. – Текст : непосредственный.
12. Райдугин, Д. С. Философия преступления от истоков до наших дней / Д. С. Райдугин. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД РФ, 2008. – 69 с. – Текст : непосредственный.
13. Райдугин, Д. С. Философия преступления: социальные аспекты : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Райдугин Дмитрий Сергеевич. – Краснодар, 2007. – 23 с. – Текст : непосредственный.
14. Сизарова, Е. Г. Проблема наказания в правовой концепции Владимира Соловьева / Е. Г. Сизарова. – Текст : непосредственный // Соловьевские исследования. – 2002. – № 2 (5). – С. 287–295.
15. Сорокин, П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П. А. Сорокин. – Сыктывкар : Анбур, 2015. – 492 с. – Текст : непосредственный.
16. Шеслер, А. В. Учение Питирима Сорокина о наказании / А. В. Шеслер. – Текст : непосредственный // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 1 (34). – С. 86–95.
17. Benedict R. Anthropology and abnormal // Journal of General Psychology 1934, vol. 10, p. 59–80.
18. Herskovits M. Cultural Anthropology. New York, 1955, p. 356.

REFERENCES

1. Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of Historical Experience]. М., 1991, vol. 1. 318 p.
2. Dolganeva A.V. The significance of Ch. Lombroso's theory in the development of criminology and legal psychology *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye I obshchestvennyye nauki* = Humanities, Socio-economic and Social Sciences, 2021, No. 1, pp. 114–116. (In Russian).

3. Dostoevsky F. *Zapiski iz Mertvogo doma* [Notes from the Dead House]. SPb., Azbuka-Attikus, 2017, p. 24.
4. Durkheim E. Norm and pathology. *Sotsiologiya prestupnosti = Sociology of crime*. M., Progress, 1966, pp. 39–44. (In Russian).
5. Eryshov D.V. *Sotsiokul'turnyye determinanty normativnogo soznaniya i deyatel'nosti sotsial'nogo sub'yekta* [Socio-cultural Determinants of Normative Consciousness and Activity of a Social Subject]. Diss. ... Cand. of Philos. Sciences. Armavir, 2015. 167 p.
6. Koni A.F. *Vospominaniye o pisatelyakh* [Memories of Writers]. M., Pravda, 1989. Pp. 227–228.
7. Lombroso C. *Chelovek prestupnyy* [Man of Criminal]. M., Algoritm, 2016. 349 p.
8. Lombroso C. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo* [Genius and insanity]. M., AST, 2019. 382 p.
9. Lorenz K. *Agressiya, ili Tak nazyvayemoye zlo* [Aggression, or the So-called Evil]. M., AST, 2021. 413 p.
10. Merton R.K. Social structure and anomie *Sotsiologiya prestupnosti = Sociology of Crime*. M.: Progress, 1966. pp. 299–313. (In Russian)
11. Plakhov V.D. *Norma i otkloneniye v obshchestve: filosofsko-teoreticheskoye vvedeniye v sotsial'nuyu etologiyu* [Norm and Deviation in Society: a Philosophical and Theoretical Introduction to Social Ethology]. SPb., Publishing house of the Legal Institute, 2011. 774 p.
12. Raidugin D.S. *Filosofiya prestupleniya ot istokov do nashikh dney* [Philosophy of Crime from its Origins to the Present Day]. Krasnodar, Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2008. 69 p.
13. Raidugin D.S. *Filosofiya prestupleniya: sotsial'nyye aspekty* [Philosophy of Crime: Social Aspects]. Diss. abstract. Krasnodar, 2007. 23 p.
14. Sizarova E.G. The problem of punishment in the legal concept of Vladimir Solovyov. *Solov'yevskiy issledovaniya = Soloviev Studies*, 2002, No. 2 (5), pp. 287–295. (In Russian).
15. Sorokin P.A. *Prestupleniya i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskiy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and Punishment, Feat and Reward: A Sociological Study of the Main Forms of Social Behavior and Morality]. Syktyvkar, Anbur, 2015. 492 p.
16. Shesler A.V. Teaching of Pitirim Sorokin about punishment. *Vestnik Kuzbasskogo institute = Bulletin of Kuzbass Institute*, 2018, No. 1 (34), pp. 86–95. (In Russian).
17. Benedict R. Anthropology and abnormal. *Journal of General Psychology*, 1934, vol. 10, pp. 59–80.
18. Herskovits M. *Cultural Anthropology*. New York, 1955, p. 356.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Макаров, А. С. Эволюция представлений о нормах и отклонениях в общественной жизни / А. С. Макаров, Д. С. Спиглазов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 73–80.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Makarov A. S., Spiglavov D. S. The Evolution of Ideas About Norms and Deviations in Public Life / A. S. Makarov, D. S. Spiglavov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 73–80. (In Russian).

УДК 123: 159.947.23: 17.02: 343.222

**ПОНЯТИЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»
В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ:
ПОИСК НОВЫХ ПОДХОДОВ**

С.В. Омельченко

**CONCEPT OF "SOCIAL RESPONSIBILITY"
FROM SOCIAL PHILOSOPHICAL ASPECTS:
SEARCHING FOR NEW APPROACHES**

S.V. Omelchenko

Аннотация. Рассматривается понятие «социальная ответственность» с философской, нравственной, педагогической, правовой и психологической стороны. В основном уделено внимание ответственности как категории социальной философии. Отмечено, что в рамках классической философии ответственность однозначно соотносится со свободой как познанной, осознанной необходимостью и вследствие этого она в значительной мере ретроспективна. В неклассической философии ответственность, свобода и необходимость находятся в не столь однозначных и определенных соотношениях. Приводится обзор наиболее важных теоретических исследований и методологических подходов по теме в области социальной философии. Сделан вывод о том, что понятие социальной ответственности все больше приобретает междисциплинарный характер. В философии это понятие становится максимально обобщенным и приобретает категориальный статус.

Abstract. The concept of "social responsibility" is considered from philosophical, moral, pedagogical, legal and psychological aspects. Attention is mainly paid to responsibility as a category of social philosophy. It is noted that in terms classical philosophy, responsibility is unambiguously correlated with freedom as a cognized, realized necessity and, as a result, is largely retrospective. In non-classical philosophy, responsibility, freedom and necessity are in not so unambiguous and definite correlations. The article provides an overview of the most important theoretical studies and methodological approaches on the topic in the field of social philosophy. It is concluded that the concept of social responsibility is becoming more and more interdisciplinary. In philosophy, this concept becomes as generalized as possible and acquires a categorical status.

Ключевые слова: свобода, ответственность, личность, общество, социальная ответственность, моральная ответственность, юридическая ответственность.

Keywords: freedom, responsibility, personality, society, social responsibility, moral responsibility, legal responsibility.

Актуальность проблемы социальной ответственности несомненна. Возрастание взаимозависимости государств, регионов и коллективов, индивидов, глобализация и локализация приводят к тому, что возрастает значимость социальной ответственности человека за последствия его деятельности. Если в XIX веке и в первой половине XX века самой актуальной проблемой философии была проблема свободы, то, начиная со второй половины XX века,

на первый план выдвигается проблема ответственности. Ханс Йонас предположил, что «человека разумного» должен сменить «человек ответственный» [7]. Актуальность темы подтверждается необходимостью обобщения конкретных научных разработок данной проблемы в направлении поиска новых методологических подходов [13, с. 267–271]. В частности, информационный подход обнаруживает целый ряд задач, которые требуют своего скорейшего решения. Информационный подход эксплицирует проблему социальной ответственности в виртуальном пространстве [2, с. 55–58].

Цель данной статьи – обозначить классические и неклассические, современные, подходы к изучению социальной ответственности, рассмотреть особенность исследования феномена социальной ответственности с точки зрения социальной философии.

Существует различие и в то время историческая преемственность между понятиями «ответственность» в традиционном значении и «социальная ответственность» в новых подходах. Подходы, применимые к понятию «ответственность», применимы также и к понятию «социальная ответственность». Наш взгляд, понятие социальной ответственности часто представляет собой своего рода «операционализацию» общего понятия ответственности и конкретизацию этого достаточно общего философского понятия, например, когда идет речь о социологическом подходе к ответственности. В то же время подобная дедуктивная концептуальная схема интерпретации социальной ответственности органично дополняется индуктивной концептуальной схемой ее рассмотрения. В этом плане частнонаучные и общенаучные исследования ответственности заставляют корректировать иногда довольно устоявшиеся общие представления и парадигмальные принципы.

Методологические подходы к социальной ответственности применительно к экономическому развитию России привлекают внимание к такому общественному явлению, которое общественное мнение характеризует как «безответственность» корпораций перед обществом и отдельными людьми [10, с. 77–87]. Крупный бизнес характеризуется недоверием со стороны россиян, бытует мнение о несправедливости получения капитала с помощью присвоения народных природных ресурсов и основных средств производства. Хотя компании делают попытки продемонстрировать ответственность за счет социальных проектов, вопрос социальной отчетности является открытым. Бизнес не придерживается стандарта. В отношении социальной ответственности пока не получается перенять лучший зарубежный опыт или разработать собственные стандарты отчетности. В 1990-х годах была выбрана американская модель экономического развития, стала практиковаться соответствующая ей американская модель ответственности, отличается свободой участия в развитии социальной сферы общества. С ростом российской экономики, предприниматели начали склоняться к европейской модели, полагая необходимым активное участие государства в решении этих вопросов. Вполне возможно, что Россия создаст свою модель, в частности, ориентируясь на традиционный

советский опыт. В философских и общесоциологических исследованиях и доктринах советского периода социальная ответственность интерпретировалась в значении «подотчетность», включающей «вменяемость» и «наказуемость» [6, с. 213–222; 14, с. 246–249]. Такой подход к традиционной модели социальной ответственности соответствовал бы ожиданиям большинства людей в России, их нравственным представлениям о социальной справедливости.

Как правило, нравственные нормы в России не совпадают с правовыми нормами. В этом отношении Россия также не может избавиться от советского наследия ретроспективной ответственности. Не случайно в общественном мнении понятие ответственности ассоциируется с уголовной ответственностью. Вместе с отказом от такой «ответственности» россияне традиционно отказываются от свободы и от перспективной ответственности. Перспективная ответственность означает ответственность за свое бытие, за бытие своей страны и всего человечества [7; 3, с. 344–346]. О существовании перспективной (или, по-другому, позитивной, активной и т. д.) ответственности вели речь П.Е. Недбайло, С.Н. Кожевникова, Б.Л. Назарова и другие. Ответственность в праве, по их мнению, должна иметь перспективное, а не только ретроспективное понимание, поскольку «позитивная ответственность возникает у человека уже тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не только тогда, когда он их не выполняет или действует вопреки» [11, с. 457]. Позитивная ответственность регулирует общественные отношения и социальную деятельность в настоящем времени и обращена в будущее, а ретроспективная ответственность преимущественно обращена в прошлое. Позитивная ответственность связана с ответственностью человека за свое бытие, выражает его право распоряжаться собой [11, с. 457].

В педагогическом подходе предлагается интерпретация социальной ответственности в аспекте взаимоотношений между личностью и обществом, т. е. это «способность личности понимать соответствие результатов своих действий поставленным целям, принятым в обществе или коллективе нормам, в результате чего возникает чувство сопричастности общему делу, а при несоответствии – чувство невыполненного долга» [12]. Педагогика рассматривает «ответственность» как позитивное качество личности, готовность и способность давать отчет, добровольно соглашаться быть подконтрольным, отвечать за результаты и последствия своей деятельности [4]. К сожалению, часто рассматривают ответственность педагога преимущественно за конечный продукт школы – результаты ЕГЭ. Или сводят ответственность к наращиванию требований по принципу «учитель должен...». На наш взгляд, такой подход является количественным. Его преимущество в измеримости, но недостаток в отсутствии перспективной, позитивной ответственности, которая проистекает из-за отсутствия свободы. Качественный подход состоит в том, что школа еще и воспитывает личность, которая ориентирована в будущее. Критерием в таком случае будет воспитание именно свободной и ответственной личности обучающегося.

В психологии феномен социальной ответственности трудно отделить от нравственного и философского подхода. Общие аспекты ответственности рассматривали К.А. Абульханова, В.П. Прядеин, С.Л. Рубинштейн и др. К.А. Абульханова-Славская ответственностью рассматривает как «самостоятельное, добровольное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых самим субъектом. Она выступает как идеальное мысленное моделирование субъектом ответственной ситуации, ее пределов и уровня сложности, а затем практического осуществления» [1, с. 30–31].

В философской традиции ответственность однозначно связана со свободой. Классическая философия рассматривает свободу как познанную, осознанную необходимость. Необходимость первична, а свобода вторична. Этот подход основан на многовековой традиции, которая идет от стоиков. Наибольший вклад в его разработку внесли Спиноза и Гегель. Марксизм внес в этот подход деятельностный аспект. Свобода – это деятельность человека, учитывающего законы природы и общественно-историческую необходимость. Если говорить точнее, то надо привести высказывание Ф. Энгельса из его работы «Анти-Дюринг». В этой работе он пишет: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определённых целей» [16]. В парадигме социальной философии Маркса классы несут социальную ответственность за осуществление своей всемирно-исторической миссии, которая вытекает из исторической необходимости. Историческая необходимость действует так же, как действуют законы природы. История – это движение общественно-исторических формаций, которое только в отдаленной перспективе обещает отдельному человеку свободу и развитие его индивидуальности [9, с. 100–101]. Свобода и ответственность совпадают в качестве рационального выбора пути развития со «знанием дела».

В неклассическом понимании свободы и ответственности как взаимосвязанных категорий у Н.А. Бердяева значимость необходимости существенно уменьшается. Для Н.А. Бердяева свобода первична, она не зависит от бытия (бога, природы, общества): «Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа, прежде всего, в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу. В такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ. В свободе скрыта тайна мира» [5, с. 50–51]. Необходимость – удел несвободных, рабов: «Философия свободы значит здесь – философия свободных, философия, исходящая из свободы, в противоположность философии рабов, философии, исходящей из необходимости, свобода означает состояние философствующего субъекта» [5, с. 12]. Ответственность рассматривается в духе трагической или драматической антиномии субъекта и объекта, духа и мира, свободы и необходимости.

В работе «Философия свободы» Бердяев, как религиозный философ, пишет в духе новой теодицеи («антроподицеи») об ответственности народа за исторические страдания, но эти положения приобретают более широкий

научно-философский смысл. «Нельзя ответственность за страдание и зло возлагать на других, – пишет он, – на внешние силы, на власть, на социальные неравенства, на те или иные классы: ответственны мы сами, как свободные сыны; наша греховность и наше творческое бессилие порождают дурную власть и социальные несправедливости, и ничто не улучшается от одной внешней перемены власти и условий жизни. Социальные несправедливости не потому плохи, что от них страдают люди, а потому, что избобличают существование злой воли, что родились в грехе. И задача мировой истории есть победа над злой волей в мире, над корнем зла, а не механическое устройство счастья» [5, с. 189–190]. Действительно, социальная ответственность коренится в человеке, имеет социально-антропологический характер, – характер некоего духовного абсолюта, которые приобретает модальность относительного, погружаясь в мир объективной социальной реальности.

Мысль Бердяева о социальной ответственности во многом совпадает с идеями негативной диалектики философов франкфуртской школы. Социальная ответственность – это ответственность за свою свободу. Любимый сюжет из русской литературы для Бердяева – это легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Массы людей готовы отдать свободу за кусок хлеба, она им не нужна. Более того, люди боятся свободы, не знают, что с ней делать. За сделанное не по приказу или команде надо потом нести ретроспективную ответственность в любом случае. Возникает феномен, который Э. Фромм описал как «бегство от свободы» в своей книге, имеющей такое же название [15]. Эта вышедшая в 1941 г. его первая книга анализирует психологические и социальные условия прихода к государственной власти в Германии нацистов. Период тоталитаризма, несомненно, прошла и Россия в советский период. Однако в отношении прав и свобод личности, следовательно, в отношении развития социальной ответственности коллективных и индивидуальных субъектов, т. е. формирования свободной ответственности и ответственной свободы, дело и в настоящее время обстоит неблагоприятно. Общественное сознание продолжает руководствоваться старым лозунгом: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от него!» [8, с. 102]. Переведем это высказывание В.И. Ленина на язык ответственности. Получается следующая формула: «Нельзя жить в обществе и быть личностью ответственной за свое бытие». Эта формула оправдывает взаимную, но асимметричную социальную безответственность человека и государства.

Неклассические подходы необходимы для противостояния принципу тоталитаризма, который отнимает у людей остатки свободы, приучает их к безответственности. Безответственность вызывает у человека чувство беззаботности, легкости. Однако безответственность тем и страшна, что граничит с невменяемостью, потерей рассудка и здравого смысла. Взрослый человек не должен иметь ум ребенка, он должен быть совершеннолетним в социальном смысле, т. е. автономной личностью. Крайняя степень архаического мировоззрения – это мифология как вера в судьбу. Перспективная ответственность –

это ценность, которая позволяет замещать современными видами мировоззрения эту мифологическую веру.

Сделаем некоторые основные выводы. Ответим на вопрос о том, в чем же состоит специфика исследования социальной ответственности в социальной философии.

Философское теоретическое осмысление феномена социальной ответственности не редуцируется к научному анализу в духе классического кантовского позитивизма. Социальная философия обобщает различные частнонаучные подходы, осмысливает их в мировоззренческом плане, чтобы затем «вернуть» их науке на новом методологическом уровне, выявляя проблемное поле междисциплинарных исследований социальной ответственности.

Социальная ответственность вовсе не исключает свободу, а предполагает ее. Образуются градации диалектических форм взаимоотношений свободы и ответственности в социальной ответственности как «свободоответственности», если решиться на такой неологизм. Попытки игнорировать это общее строгое положение философии ведут к методологической путанице. Тот факт, что социальная ответственность может доминировать над социальной свободой в условиях глобализирующегося мира, не должен приводить к ошибочным выводам об отсутствии социальной свободы коллективных и индивидуальных субъектов вообще.

Постановка и решение проблемы социальной ответственности как органического соотношения свободы и ответственности требует поиска новых подходов во всех областях человеческой деятельности и соответствующих научных дисциплинах. Новые подходы предполагают широкий теоретико-методологический спектр, выраженный полярно противоположными направлениями ретроспективной ответственности за наказуемую свободу и перспективной ответственности с ее экзистенциальной бесконечностью свободы и ответственности. Гуманистический подход к решению вопроса социальной ответственности заключается в том, что и свобода, и ответственность признаются важнейшими ценностями, указывающими путь формирования и саморазвития личностной автономии. В психолого-педагогическом аспекте подчеркнем, что необходимо формировать у подрастающего поколения и молодежи не только эмоциональное чувство ответственности (стыд, совесть, вина, чувство долга, привычка исполнять обязанности и т. д.), но и социальную компетентность, с помощью которой свобода и ответственность реализуются на практике посредством рационального отношения человека к миру.

Свобода оказывается имплицитно включенной в ответственность. И свобода, и ответственность нуждаются в культивировании. Культура свободы и культура ответственности теснейшим образом взаимосвязаны. В качестве одного из важнейших путей формирования такой культуры свободы и ответственности выступает диалогическая этика. Диалогическая этика – это этика персоналистической ответственности, которая не бежит от свободы, а органично включает ее как момент личностной автономии. Даже этимологически ответственность

восходит к слову «ответ». В свою очередь ответ предполагает вопрос, а вместе они образуют диалог. Подчеркнем значимость диалогической этики с ее доминантой персоналистической ответственности как начала органичной социальности, – социальности, которая не отделяет социальную систему и социальность обыденной жизни, повседневности, не превращает их в антагонистические противоположности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К. А. Типология личности и гуманистический подход / К. А. Абульханова-Славская. – Текст : непосредственный // Гуманистические проблемы психологической теории. – М. : Наука, 1995. – С. 27–48.
2. Алексеев, М. С. Формирование социального доверия как управление социальной ответственностью в виртуальном пространстве / М. С. Алексеев. – Текст : непосредственный // Наукосфера. – 2021. – № 1–2. – С. 55–58.
3. Анченко, В. Н. К вопросу о понятии юридической ответственности / В. Н. Анченко. – Текст : непосредственный // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 9 (48). – С. 344–346.
4. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры : энциклопедический словарь педагога / В. С. Безрукова. – Екатеринбург : СОИУУ, 1992. – 937 с. – Текст : непосредственный.
5. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 608 с. – Текст : непосредственный.
6. Воронцова, Е. С. Социальная ответственность советского типа / Е. С. Воронцова, А. В. Стрижков. – Текст : непосредственный // Энигма. – 2020. – № 17–1. – С. 213–222.
7. Йонас, Х. Принцип ответственности / Х. Йонас. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 480 с. – Текст : непосредственный.
8. Ленин, В. И. Партийная организация и партийная литература / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 12. – 5-е изд. – М., 1968. – С. 102.
9. Маркс, К. Критика политической экономии / К. Маркс. – Текст : непосредственный // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. Т. 46. Ч. 1. – М., 1982. – С. 100–101.
10. Мишурова, О. И. Методологические подходы к изучению социальной ответственности / О. И. Мишурова. – Текст : непосредственный // Сервис в России и за рубежом. – 2016. – Т. 10. – № 9 (70). – С. 77–87.
11. Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. проф. В. К. Бабаева. – Н. Новгород : Нижполиграф, 1993. – С. 456–473. – (Юридическая ответственность). – Текст : непосредственный.
12. Словарь по социальной педагогике / авт.-сост. Л. В. Мардахаев. – М. : Академия, 2002. – 368 с. – Текст : непосредственный.
13. Сорокин, А. И. Ответственность как категория социальной психологии / А. И. Сорокин. – Текст : непосредственный // Страховские Чтения. – 2018. – № 26. – С. 267–271.
14. Султанова, Л. И. Теоретические основания исследования категории социальной ответственности / Л. И. Султанова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 1. – С. 246–249.
15. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2014. – 284 с. – Текст : непосредственный.

16. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс. – Текст : электронный // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. – URL: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/antid-1-11.html> (дата обращения 24.07.2021).

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. *Tipologiya lichnosti i gumanisticheskii podkhod. Gumanisticheskiye problem psikhologicheskoy teorii* [Typology of Personality and Humanistic Approach. Humanistic Problems of Psychological Theory]. M., Nauka, 1995, pp. 27–48.
2. Alekseev M.S. Formation of social trust as a direction of social responsibility management in virtual space. *Naukosfera = Naukosfera*, 2021, No. 1–2, pp. 55–58. (In Russian).
3. Anchenko V.N. On the issue of the concept of legal responsibility. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2020, vol. 1, No. 9 (48), pp. 344–346. (In Russian).
4. Bezrukova V.S. *Osnovy dukhovnoy kul'tury (Entsiklopedicheskiy slovar pedagoga)* [Fundamentals of Spiritual Culture (Encyclopedic Dictionary of the Teacher)]. Yekaterinburg, 1992. 937 p.
5. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The Meaning of Creativity]. M., Pravda, 1989. 608 p.
6. Vorontsova E.S. Social responsibility of the Soviet type. *Enigma = Enigma*. 2020, No. 17–1, pp. 213–222. (In Russian).
7. Yonas H. *Printsip otvetstvennosti* [The Principle of Responsibility]. M., Ayris-Press, 2004. 480 p. (In Russian).
8. Lenin V.I. Party organization and party literature. *Polnoe sobranie sochineniy = Full Collection of Essays*, vol. 12, p. 102. (In Russian).
9. Marx K. Criticism of political economy. *Marks K., Engels F. Sochineniya = K. Marx, F. Engels. Works*, vol. 46, part 1, pp. 100–101. (In Russian).
10. Mishurova O.I. Methodological approaches to the study of social responsibility. *Servis v Rossii i zacrubezhom = Service in Russia and Abroad*, 2016, vol. 10, No. 9 (70), pp. 77–87. (In Russian).
11. *Obshchaya teoriya prava. Kurs lektsiy* [General Theory of Law. Course of Lectures]. Ed. by V.K. Babaev. Nizhniy Novgorod, Nizhpoligraf, 1993, pp. 456–473.
12. *Slovar' po sotsial'noy pedagogike* [Dictionary of social pedagogy]. M., Publishing Center "Academy", 2002. 368 p.
13. Sorokin A.I. Responsibility as a category of social psychology. *Strakhovskiyeh Chteniya = Strakhov's Readings*, 2018, No. 26, pp. 267–271. (In Russian).
14. Sultanova L.I. Theoretical foundations of the study of the category of social responsibility. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, 2009, No. 1, pp. 246–249. (In Russian).
15. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. M., AST, 2014. 284 p.
16. Engels F. *Anti-Duhring* [Anti-Duhring]. Available at: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Antiduering/antid-1-11.html> (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Омельченко, С. В. Понятие «социальная ответственность» в социальной философии: поиск новых подходов / С. В. Омельченко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 81–88.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Omelchenko S. V. Concept of "Social Responsibility" From Social Philosophical Aspects: Searching for New Approaches / S. V. Omelchenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 81–88. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вольтер Ольга Владимировна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), член Российской ассоциации политической науки, член-корреспондент РАН; e-mail: volter17@list.ru

Volter Olga Vladimirovna – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir), member of the Russian Political Science Association, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences; e-mail: volter17@list.ru

Головлёв Алексей Алексеевич – доктор географических наук, г. Самара; e-mail: dudarev51@mail.ru

Golovlyov Alexey Alekseevich – Doctor of Geographical Sciences, Samara; e-mail: dudarev51@mail.ru

Горбачева Диана Александровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры туризма и физической культуры ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар); e-mail: gordiana1@mail.ru

Gorbacheva Diana Aleksandrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Tourism and Physical Culture, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar); e-mail: gordiana1@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Кузьменко Александр Николаевич – доцент кафедры архитектуры ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (г. Краснодар); e-mail: prepod_k@mail.ru

Kuzmenko Alexander Nikolaevich – Associate Professor of the Department of Architecture, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar); e-mail: prepod_k@mail.ru

Лобанов Илья Андреевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lobanov1985@mail.ru

Lobanov Ilya Andreevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lobanov1985@mail.ru

Лукаш Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lukash.serg@yandex.ru

Lukash Sergey Nikolaevich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lukash.serg@yandex.ru

Макаров Александр Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: gera_sl@mail.ru

Makarov Alexander Sergeevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: gera_sl@mail.ru

Максютова Надежда Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики профессионального обучения ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный аграрный университет» (г. Волгоград); e-mail: maksyutovann@inbox.ru

Maksyutova Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Professional Training, Volgograd State Agrarian University (Volgograd); e-mail: maksyutovann@inbox.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vladimir-matveev2009@yandex.ru

Омельченко Сергей Владимирович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: osvselive@gmail.com

Omelchenko Sergey Vladimirovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: osvselive@gmail.com

Спиглазов Дмитрий Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: sleepeyeoff@yandex.ru

Spiglazov Dmitry Sergeevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: sleepeyeoff@yandex.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 ноября 2021 года.

Дата выхода журнала – декабрь 2021 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Исторические науки и археология

Философские науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **100 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Суг, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объёмом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объём от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

¹ Как выяснить примерный объём статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1 800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

10) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 12.00.01

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир,
Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. *The earliest work of A.F. Kony "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Kony's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.*

Keywords: *human right to self-defence, self-defence right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями

или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____»
(название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 3 2021

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 11,4. Уч.-изд. л. 6,58. Тираж 300 экз.
Заказ № 43/21.

Издатель:
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net